

Одиночество-12

Автор:

[Арсен Ревазов](#)

Одиночество-12

Арсен Ревазов

«Одиночество-12» – это детектив, роман-путешествие и философская проза под одной обложкой. Пытаясь найти разгадку внезапной гибели друга, в меру успешный житель мегаполиса отправляется по маршруту, в котором есть Древний Египет и средневековая Европа, российская тюрьма и буддистский монастырь, Ватикан и Иерусалим. Картой ему служат старинные манускрипты – и вся история мировой культуры, включая рок-музыку.

Отсылки к Борхесу, Эко и Дэну Брауну неслучайны, но лишь подчеркивают собственную интонацию автора. Арсен Ревазов иронизирует над конспирологией, посмеивается над авторитетами и не стесняется своей веры в победу добра над злом.

Книга выходит в новой редакции – с дополнениями и обновленным финалом – одновременно в России и в Соединенных Штатах.

Содержит нецензурную брань!

Арсен Ревазов

Одиночество-12

Роман

* * *

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© А. Ревазов, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021 Издательство CORPUS

Книга I

Братство

Глава первая

Прогулка по квартире

Иногда, прогуливаясь с телефоном в руке по квартире, я представляю себя человеком, который получил задание родиться еще раз. Кем-то вроде агента спецслужб. Я воображаю, как меня высаживают с корабля на маленький скутер в двадцати километрах от берега где-то на Филиппинах или на Карибах.

В кармане плавок (у меня плавки с карманом на молнии) – кредитная карточка с неограниченным покрытием, пятьсот долларов, запечатанные в полиэтилен, и автомобильные права, выписанные во Флориде.

Во Флориде, как я узнал, права дают всем подряд. Я сам, не выезжая за пределы Москвы, получил эти права за триста долларов через какую-то адвокатскую контору.

И вот я, газуя по полной, мужественно проплываю заданную дистанцию и высаживаюсь на берег километрах в двух от пляжа. По страшной жаре, пешком я добираюсь до цивилизации. Два километра я вполне способен пройти по камням. Даже с моим выраженным неумением преодолевать физические трудности. На пляже я покупаю холодное пиво, сандалии, шорты, майку, крем от обгорания и прихожу в себя.

Уф...

Ближе к закату ядвигаюсь в город, где сначала снимаю номер в пятизвездочном отеле, а потом иду покупать самое необходимое. Одежду, часы, дорожную сумку, зубную щетку. И конечно, смартфон.

Я возвращаюсь в гостиницу в надежде, что шпионам предоставляют гостиницу с быстрым вайфаем, и, с облегчением убедившись, что так и есть, закачиваю на смартфон из облака всю мою музыку, три десятка хороших важных книг, из которых я половину уже прочел, но пообещал себе перечитать, а за вторую половину никак не могу взяться. Заодно, чуть задумавшись, я поступаю по отношению к книгам подло: я закачиваю пару сезонов последнего сериала, пью двойной виски в ночном баре и иду спать. Сегодня у меня был тяжелый день. Завтра надо приступать к выполнению задания.

На этом месте моя система воображения дает сбой. Следующий день я представляю себе довольно туманно. Я приблизительно знаю, как потратить первую половину дня. Надо снять машину в Hertz или Avis, выйти на связь и доложить о выполнении первого этапа задания.

Но что делать во второй половине дня, я уже вообразить не могу. Ну хорошо, обед в экзотическом ресторане. А потом?

Какое там у меня задание? И кто вообще может взять в секретные агенты такого человека, как я? Сколько проживет спецслужба, если она будет выдавать раздолбаям кредитные карточки с неограниченным покрытием и отправлять их на край света развлекаться?

Система воображения угрожает зависнуть, как слабоумный компьютер. Хорошо. Меняем версию. Теперь у меня нет задания. Но оно было. Смертельно сложное. И я его успешно выполнил. А теперь скрываюсь от тех сильных и злых людей, которых я переиграл, доведя этим до совершенного бешенства. Отныне я в изгнании. И теперь бог знает когда мне доведется увидеть моих родителей, женщин и друзей.

Я уже не директор и совладелец маленького пиар-агентства, состоящего из меня, трех менеджеров и одной референ-точки – и при этом еле сводящего концы с концами. Я в розыске. Меня ищет то ли Интерпол, то ли солнцевские, то ли ЦРУ, то ли ФСБ. Может, я очень помешал не одной из этих контор, а сразу нескольким. Например, ФСБ, Моссаду и Ми-6. Или Ми-5. Кто там из них круче?

Очевидно, я наступил на ногу и ЦРУ, и ФБР. Иначе бы меня прикрывала их Федеральная служба защиты свидетелей.

Как романтично и увлекательно! А если в стандартах этой новой жизни (анонимность, пляжи, коралловые острова, отели, перелеты, книги, сериалы) я все-таки, как Гораций, «исчезну не совсем»? Если я найду способ связаться с верными друзьями и подругами? С Антоном, Мотей, Химиком и Машей. А вдруг Маша меня навестит?!

Тогда мы пойдем на дискотеку под тропическим небом. Над нами повиснут гирлянды ярких лампочек, заброшенных на пальмы. Мы будем пить цветные коктейли на берегу океана. А редкая, особенно наглая волна будет дотягиваться до нас теплыми брызгами. А потом вернемся в номер, умирая от восторга и устаревших лет на двадцать пять Gipsy Kings.

Bamboleo bambolea

Porque mi vida yo la prefiero vivir as?

No tienes perdon de Dios

«Потому что это моя жизнь и я предпочитаю прожить ее именно так, не прося прощения у Бога».

Гулять по моей маленькой московской квартире – как по тюремной камере: приходится часто менять направление движения, чтобы не наткнуться на стены. В одну из них как раз стучат соседи. Полпервого. Я подхожу к системе и выключаю Gipsy Kings. Я уже устал от полной нерелевантности моего воображения. И вообще устал.

Я осторожно трясую головой, чтоб освободиться от этого бреда. Без психоаналитика понимаю, что устал, обломался, что деньги на аренду офиса придется опять занимать.

Я вспоминаю, в каких именно словах предпоследний клиент высказал сегодня недовольство моим агентством и мной лично. И от этих слов у меня на душе противно. Поэтому и появляется эскапизм. Или эскейпизм. У кого как.

Можно посмотреть футбол или хоккей на спортивных каналах, но там сегодня нет ничего интересного. Поэтому лучше всего пойти спать. Чтобы крепче спалось, можно выпить виски. Потом взять Довлатова и под него заснуть. Я обычно так и поступаю.

Сегодняшний вечер напоминал последнюю тысячу предыдущих. Я достал бутылку «Джеймисона» и плеснул в стакан настоящий двойной. В моем понимании, а не в понимании этих жлобов в ночных клубах.

Иногда я жалею, что я не алкоголик. Алкоголик – это человек, который точно знает, чего он хочет. Я – не знаю. Иногда я хочу денег, иногда семейного счастья, иногда неземной любви, иногда выпить с друзьями, иногда просто выпить. «Сестрица! Вина и фруктов! – Точнее, братец? – стакан водки и огурец!»

Если оглянуться на мои тридцать с лишним, то понятно, что агентство, успешно балансирующее на грани банкротства вот уже который год и состоящее из пяти человек, включая меня, – это мой потолок. Но он не такой уж низкий. Я – главный менеджер и один из акционеров (второй и настоящий акционер агентства, мужественно покрывающий его убытки, – это мой близкий друг Матвей).

Подумаешь, нет денег! У некоторых нет ни денег, ни агентства. А кто-то вообще голодает. Или умирает от несчастной любви. По отдельности, разумеется. Или голод, или несчастная любовь. Второй случай – как раз мой. Разве что я не умираю от нее, а просто мучаюсь.

Зато у некоторых моих знакомых есть все: счастливая семья, деньги, дети, модная тусовка. Мне плевать. Если к моим недостаткам прибавится зависть, я превращусь в монстра.

Я выпил еще виски, потом еще, потом понял, что уже не могу воспринимать новости по CNN адекватно. Ну какое мне дело до выборов в Восточном Тиморе? Я даже не понял, какое дело до этих выборов CNN. Из телевизионной картинки я вынес, что этот Тимор находится между Австралией и Индонезией, ничуть не возбудился от этого факта и собрался идти спать.

Когда я чищу зубы, в зеркало на себя я стараюсь не смотреть. Хотя некоторые женщины говорили мне, что во мне что-то есть... Ну не знаю. А что им было говорить? Что сегодня больше не с кем?

Мне, кстати, всегда было интересно, что думают женщины, глядя на меня. Я даже спрашивал нескольких. Так слепому интересно, как он выглядит со стороны. Ответы были какие-то невразумительно-официальные. А моя любимая девушка Маша, та самая, к которой у меня несчастная любовь, сказала однажды, что, когда она на меня смотрит, она думает, что я – это не я. Офигеть.

Под эти невеселые мысли я заснул. Мне, как обычно, ничего не приснилось.

Ты уже знаешь?

Разбудил меня мой сотовый. Взглянув на часы, я сообразил, что это не с работы – в восемь утра у нас еще никого в офисе нет. Я посмотрел на высветившееся имя Матвей и хрипловатым удивленным голосом сказал: «Да».

Мотя, богатый, крутой и ленивый, никогда не просыпается в такое время. Трубка помолчала в ответ на мое «да», хотя связь, кажется, установилась.

- Привет, Иосиф, - сказала наконец трубка.

- Да, Мотя, - сказал я трубке, не поднося ее к уху, а рассматривая в упор. - Что-нибудь случилось?

- Ты уже знаешь про Химика? - спросил Матвей странным голосом.

В его интонации сквозила еле уловимая неестественная торжественность. Как на похоронах.

- Нет. Что такое?

Голос Матвея впрыснул мне адреналина. Я моментально проснулся и вскочил с кровати.

- Химик умер.

Конец первой главы

Глава вторая

Добрый и грустный

У нас в компании пока никто не умирал, хотя мы были уже немолоды. Жизнь текла себе и текла. Мы влюблялись и любили, пили, гуляли, а в перерывах - работали.

Иногда мы даже дрались, но не умирали. Нет, мы были знакомы со смертью не только по боевикам и фильмам про войну, мы иногда хоронили тех, кто был заметно старше. Но нас самих как-то пока Бог миловал.

- Что? Как? – воскликнул я, просто чтобы сказать хотя бы что-нибудь.
- Мне позвонила только что Лиля. Она сказала, что у него что-то с головой.
- Что? Кто?
- Ничего не знаю. Она не в себе. Еду туда, к ним.
- Она дома?
- Дома. Вызвала ментов. Антон тоже едет. Жду тебя там.
- Понял. Еду.
- А я вот ни хрена не понял, – сказал Мотя и повесил трубку.

Я почему-то решил, что должен приехать туда раньше Антона, нашего четвертого друга, и Моти. Или несильно позже. Поэтому, подгоняя себя, поплелся на ватных ногах в ванну.

Химика в миру звали Илья Донской. Как следовало из прозвища, он отличался глубокими познаниями в области химических реакций, мог из подручных средств синтезировать гексоген, LSD или цианистый калий, что неудивительно для выпускника химфака МГУ. То есть я не уверен, что он и вправду сумел бы это сделать, но на вопросы, которые мы задавали, прикалываясь, – как именно можно приготовить в домашних условиях взрывчатку или яд, – он отвечал аргументированно и очень убедительно.

Долговязый, с бородой и усами а-ля Джон Леннон образца шестьдесят девятого года, Химик долгое время носил длинные волосы. Не так давно он их, правда, остриг, выбрив себе на затылке маленький смешной треугольник.

Он женился на бурятке-ламаистке Лиле (дочь питерского профессора микробиологии решила вернуться к истокам своего народа) и, возможно благодаря Леннону, увлекался психоделиками и галлюциногенами. Я помнил рассказ про его первый опыт с LSD.

– Старик, – говорил он, – ну вот представь себе объемные обои. Обои, которые на стене. Вот ты лежишь и половиной сознания понимаешь, что эти обои объемные. Что у них заметный рельеф, и если ты потрогаешь их пальцами, ты это обязательно почувствуешь. И девушка, которая лежит рядом с тобой, понимает. И тоже этому удивляется. Ты набираешься сил, поднимаешься с постели, трогаешь их рукой, а они... плоские. Но она тебе не верит. Также поднимается, трогает. Да что за черт! Плоские. Хотя вы оба все еще подозреваете, что они объемные. Такая фигня. Забавно иметь два независимых параллельных сознания. И понимать, что у твоей девушки их тоже два. Причем запараллеленных в одну и ту же сторону, так что вместе получается четыре. Очень забавно.

Героин Химик не пробовал ни разу. Кокаин и траву презирал за лобовой эффект. Словом, под определение классического наркомана он, конечно, не подпадал. Несколько лет назад, начитавшись Пелевина и Кастанеды, Химик подсел на мухоморы. Начал намекать на тайные знания. Потом к грибам добавился калипсол. Или кетамин, что одно и то же. И я услышал от Химики, что вокруг нас существует настоящий параллельный мир, а вход в этот мир обеспечивают специальные препараты, которые, с его точки зрения, повышают чувствительность мозга к разным неочевидным явлениям. Словом, трансцендентальная философия с химическим уклоном захватила его, причем нельзя сказать, чтобы от этого у него поехала крыша. Химик совершенно не настаивал на том, что калипсол передает некие тайные знания, и не пытался посадить нас на него. Он оставался таким, каким всегда был: добрым, с умными и грустными, как у спаниеля, глазами.

Мы все очень любили Химику за позитивность и готовность сочувствовать, а его работа главным экспертом в MNJ Pharmaceuticals вызывала у нас легкое благоговение. Человеку платили деньги за чистые знания, а не за искусство управлять рабочими процессами. Или, еще хуже, за умение воровать и делиться!

Недавно он составил мне протекцию, и я получил несколько скромных заказов от его концерна на продвижение рецептурных препаратов.

Это было всего месяц назад. Умирать Химик явно не собирался. Наоборот, собирался ехать вместе с Лилей в Японию – в какой-то дзен-буддистский монастырь на севере. И был озабочен получением японской визы.

Зачем ему сдался этот монастырь, Химик объяснял невнятно. Вроде бы там лучше знают, как устроен этот мир. Ну, трансцендентальность – она и в Японии трансцендентальность.

Чем отрезают голову?

Я сел за руль, хотя выпил вчера немало. Через битый час нервных московских пробок, чуть не столкнувшись во дворе с выезжающей скорой помощью, я звонил в домофон Химика и Лили. Дверь в квартиру была открыта. Оказалось, что Мотя с Антоном еще не приехали. Меня встретила окаменевшая Лиля; внутри находились еще двое, у которых на лицах было написано, что они из органов. Невзрачные пиджаки, темные мятые рубашки без галстуков, нечищенные ботинки. Один из них заполнял какие-то бланки, другой ходил по квартире и трогал разные предметы, стоящие на полках. На груди у него висела мыльница. При виде меня он оживился.

– Вы кто будете? – спросил он, не здороваясь.

– Я – знакомый. А что случилось?

Мне всегда было страшно дерзить органам, даже чуть-чуть. Поэтому я не ответил ему в тон и на всякий случай приуменьшил близость наших отношений с Химиком. Хотя какой там знакомый? Химик был нам настоящим другом.

– Вот разбираемся. Погиб ваш знакомый.

– Отчего?

– Голову ему отрезали!

– Как голову? Чем?

Я почувствовал себя плохо и сел на табуретку.

– А чем голову отрезают?

– Не знаю. Трамваем?

– Ножом.

У меня что-то резко засосало под ложечкой, и тут же начало немного подташнивать. Я повернулся к Лиле.

– Что происходит?

Полицейские тоже повернулись к Лиле.

– Я вернулась из Питера от родителей. Утренним поездом. – Она посмотрела на билет, лежащий на столе перед следователем. – Захожу в квартиру. Илья лежит на кровати. Без головы. Голова отрезана. Руки скрещены на груди. В руках церковная свечка. Новая. В смысле незажженная. Я позвонила в скорую и Матвею. Начала искать голову. Мне почему-то показалось, что если я ее найду, то... В общем, неважно. Не нашла. Они забрали голову с собой. Приехала скорая и вот эти. – Она кивнула на ментов. – Илюшу забрали сразу. Только сфотографировали.

Лиля говорила очень медленно и очень тихо. Мне показалось, что у нее во рту совершенно пересохло и стакан воды ей бы помог. Оба мента внимательно слушали. Я налил стакан воды и поставил перед ней.

– Матвей сейчас будет. С Антоном.

– Спасибо. – Она благодарила не то за стакан, не то за наше участие.

– Лиля, кто это мог сделать? Сатанисты какие-нибудь?

– Я не знаю.

– Но этого же не может быть, какое отношение...

– Я не знаю.

– Молодой человек, давайте пока подождем с вопросами! Ваши документы можно посмотреть?

Следователь, который до сих пор был погружен в криминальную стенографию, уставился на меня бесцветным взглядом.

Я уже было протянул Писателю права, но тут на пороге появились Матвей и Антон. Я даже рот не успел открыть, как Писатель бросил свои бумажки, сделал полуоборот на табуретке и почти закричал на меня:

– Уважаемый господин! Прошу вас помолчать!!! И посидеть спокойно тут в сторонке!!!

После чего вдруг сменил тон на отечески-приветливый.

– А вы, молодые люди, кем покойному приходитесь? И друг другу, кстати?

– Можно посмотреть на ваши документы? – совершенно ледяным голосом произнес в ответ Мотя.

Менты выразительно посмотрели друг на друга. Мотя не менее выразительно скрестил руки на груди и нахмурил темно-рыжие брови.

Я почувствовал перевес сил в нашу пользу. Мотя был специалистом по разборкам с силовыми структурами, как легальными, типа ментов, так и не совсем легальными, типа бандитов. Мотя умел и даже, я бы сказал, любил иметь с ними дело.

Я мог бы не задумываясь перечислить десяток историй, в которых Матвей вел себя не просто нагло, а совершенно отмороженно. Например, когда нас не пускали на какую-то закрытую вечеринку и охранник сообщил Моте, что нас нет в списке, не совсем тем голосом, который показался Моте соответствующим моменту, тем более что в списке мы были, Мотя спокойно сказал охраннику: «Отойди в сторону, это не наш список». Охранник, естественно, не отошел, а фыркнул Моте в лицо: «Какой еще ваш список?», а потом совершил

непоправимую ошибку, довольно грубо оттолкнув Мотю, чтобы освободить проход для других гостей. «Наш список – список Шиндлера», – задумчиво сообщил Мотя охраннику, после чего резко и точно ударил охранника головой в нос, разбив его в кровь. Охранник упал как подкошенный, а Мотя осторожно перешагнул через него и жестом пригласил нас войти. Когда прибежали начальник охраны и другие сотрудники клуба, Мотя пожал плечами и сказал просто: «Он первый начал». К моему удивлению, этой фразы хватило для того, чтобы скандал оказался исчерпанным. Возможно, именно благодаря этой мрачной решительности Моте удалось построить свои бизнесы и не прогнуться ни под силовиков, ни под других бандитов.

Единственной слабостью Моти были женщины. Где-то примерно раз в год-полтора Мотя безнадежно влюблялся. Причем вкус его определялся не красотой или умом объекта любви, а исключительно его недоступностью. Чем тверже и увереннее Моте отказывали, тем сильнее у него разгорались чувства.

Как я понимаю, Мотя искал вечную любовь, забыв договориться с собой, что это такое и зачем это нужно. То есть понятно зачем: чтобы прожить всю жизнь и умереть в один день. Но как заставить себя поверить, что это именно тот случай? Мотя не знал как, поэтому пробовал.

Я скептически относился к Мотиным увлечениям, считая свои проблемы с Машей куда безнадежнее, но и Антон, и Химик принимали Мотины страдания абсолютно всерьез. Антон однажды, когда я открыто фыркнул в сторону Моти, мрачно страдающего в кресле, попросил меня померить ему пульс. Я еще раз фыркнул, пожал плечами и померил. Сто двадцать ударов в минуту. У спокойно сидящего человека. Ну и дела. Но сейчас женские проблемы казались существующими где-то в параллельной вселенной.

Если Мотя был военным лидером в нашей тусовке, то Антон был главным по тактике. Он просчитывал любые ситуации на три-четыре хода вперед, что в сочетании с его почти аристократическим происхождением (мать Антона была из той ветви рода князей Волконских, которая не захотела эмигрировать, поэтому ей пришлось родиться где-то под Магаданом, куда деда Антона после двадцати пяти лет отсидки выпустили на вольное поселение) и блестящим образованием позволило ему занять довольно специфическое место в обществе. Он работал экспертом в области хайтек-инвестиций, через его финальный «о'кей» прошел не один миллиард инвестиционных денег, и поэтому, с одной стороны, Антон был хорошо знаком со всей бизнес-элитой и большей частью

политической элиты России, да и не только России. С другой – он не принадлежал ни к одной бизнес-структуре и тем более ни к какой политической группе, которые он откровенно презирал. Но поскольку его решения оказывались почти всегда правильными, а иногда и вовсе гениальными, вся эта элита относилась к нему с глубоким уважением, так что связи у Антона были феноменальные.

Хорошо, что Антон был с нами. Если бы мы оказались здесь вдвоем с Мотей, то вскоре наломали бы дров. Точнее, дров бы наломал Мотя, а я не смог бы его остановить, тем более что сам совершенно не представлял, как себя вести.

Антон посмотрел на Мотю, вставшего в агрессивную позу со скрещенными руками, и взял ситуацию под контроль:

– Нам сказали, что умер наш друг. Меня зовут Антон Эпштейн. Вот мои документы. А это Матвей Краснов и Иосиф Мезенин. Ребята, покажите господам офицерам ваши права. Если не затруднит, то я бы и на ваши документы посмотрел, – аккуратно вернулся Антон к предложению Моти.

– Дежурный следователь капитан Новиков, – медленно и невесело произнес Писатель, оглядывая нас сверху донизу и нехотя показывая издали красную корочку.

Воспользовавшись темпом его речи, я успел в трех словах изложить ситуацию Матвею и Антону.

– Вот тут ваш товарищ говорит, что он знакомый Ильи Донского. А вы говорите, что вы – друзья. Так кто прав? – подал голос Фотограф, который, кстати, не представился и документов не показал.

Я решил перевести разговор из конфронтации в конструктивное русло, тем более что мне стало неудобно за отречение от Химика.

– Вы нас простите, просто мы в себя еще не пришли. Мы сами хотим понять, что случилось, и готовы вам помочь, чем можем.

Судя по тому, как Мотя нахмурился, а Антон покачал головой, слабость, звучавшая в моих словах, ребятам не понравилась, но они промолчали.

– А что случилось? – отозвался Писатель. – Погиб ваш знакомый. Кто-то ему отрезал голову. Больше мы и сами не знаем. Пока.

– Он... от этого умер?

– Неизвестно. – Писатель еще раз оглядел нас. – Но судя по тому, что крови на кровати почти нет, голову ему отрезали потом. Вскрытие покажет.

Вскрытие покажет

После этого афоризма я посмотрел на темное пятно возле подушки, и мне стало плохо. Я понял, что дрожу мелкой дрожью. Я буквально силой заставил себя встряхнуться и тут же вспомнил старую медицинскую историю. Первый семинар по судебной медицине, четвертый курс. Сначала мы, побывавшие за три года в разных анатомичках и повидавшие всякое, пришли в кабинет и, ожидая преподавателя, принялись внимательно разглядывать развешанные по стенам фотографии разных видов самоубийств, в том числе весьма экзотических. Фотографии нас немного напрягли. Некоторые были сняты каким-то слишком уж крупным планом. Как будто снимали не менты, а извращенцы.

Например, смерть от электрошока. Человек обматывает себе правую и левую руки оголенным электрическим проводом, а потом вставляет штепсель в розетку.

Или заключенный в камере прокусывает собственный язык, стараясь проглотить как можно больше вытекающей крови, чтобы не заметили надзиратели.

Или безнадежный больной вешается, используя резинку от пижамы, прямо на металлической спинке больничной койки. Разговоров об эвтаназии тогда еще никто не вел.

Вошел преподаватель, и началось занятие. Все немного расслабились. Но при упоминании о завтрашнем вскрытии одна из наших отличниц задала тоненьким голоском вопрос, кого именно мы будем завтра вскрывать.

– Так ведь он и сам еще этого не знает, – немного удивленным голосом ответил преподаватель. – Это, ребята, не клинический морг, а судебный. Поэтому завтрашнее тело пока живее нас с вами. Оно, скорее всего, и не подозревает, что завтра мы будем его вскрывать.

Мороз по коже. Даже если у тебя за плечами несколько курсов медицинского института с анатомичкой и прочими прелестями.

Лиля, которая ходила по своей двухкомнатной квартире – маленькой, заставленной шкафами, коробками, комодами и стенками, неожиданно подошла к нам и сказала:

– Хотите чаю?

– Нет, что вы! Какой там чай, – сказал Писатель, смягчившись. – Давайте мы вас немного поспрашиваем. Можно у вас курить? – Он неожиданно осторожно посмотрел на Лилю.

Лиля вместо ответа поставила перед ним маленькую белую пепельницу.

Фотограф занялся Антоном и Матвеем, видно решив, что раз они пришли вместе, то по дороге успели сговориться. А Писатель сел со мной и Лилей, поскольку Лиля со своим билетом, проводниками и родителями была, видимо, вне подозрений. Но вместо того, чтобы начать допрос, он начал заполнять какие-то бумаги. Я осмотрелся. Мотя сидел злой и встревоженный. Антон был спокоен и сосредоточен.

Уважение жены Антона

Меня всегда восхищало в Антоне хладнокровное благородство. Такое спокойное, уверенное благородство, без надрыва. Возможно, именно боясь осуждающего

взгляда Антона, Мотя в процессе построения своих бизнесов так никого и не убил.

Мехмат добавил к его классическому домашнему воспитанию уравновешенность, умение делать критические выводы и не напиваться с одной бутылки. Но самое интересное, что на вопрос мента, кем мы друг другу приходимся, мы могли бы смело ответить не «друзья-одноклассники, знакомые друг с другом с семи лет», а «родственники». Потому что Антон по абсолютно непонятной для меня причине женился на моей родной сестре Дине.

Дина была старше меня на полтора года и, как и положено старшей сестре, обычно безбожно троллила меня. Безответные оплеухи, удары и пинки преобладали в наших отношениях, хотя изредка она была ко мне очень ласкова – и тогда я таял и все был готов отдать за ее теплый взгляд. Я никогда особо не беспокоился из-за этого. Отношения старшей сестры и младшего брата вообще редко бывают безоблачными. Дина выросла замкнутой, избалованной, ее чувство превосходства, основанное на якобы высоком интеллекте, немного раздражало как меня, так и окружающих.

Но мозги у нее и вправду были устроены потрясающе. Логика ее рассуждений иногда граничила с шизофреническими парадоксами. «Если существует бесконечное число миров, то должны существовать все возможные варианты событий», – сказала она однажды на кухне, ни к кому не обращаясь.

– Ну и че? – отозвался я, ожидая подвоха.

– Подумай о мультивселенных.

– Я не верю в бесконечный космос.

– При чем здесь вера, идиот?

А потом я увидел у нее ротапринт английской статьи о тахионах – частицах, движущихся быстрее света, существование которых, по мнению автора статьи, не противоречит ни теории относительности, ни концепции четырехмерного пространства-времени Минковского в том случае, если предположить, что эти частицы движутся обратно во времени. И понял, что общий язык мне с Диной не найти.

До того, как Антон поделился своими матримониальными планами, мне и в голову не приходило, что между ними что-то есть.

Тем более что о происходящем у нее в душе я не имел ни малейшего понятия. Музыка она не слушала. Книг, не имеющих отношения к ее призванию, не читала. Даже фантастику. Гости к ней не ходили.

- Антон, - честно сказал я, - она ведь стерва. И, возможно, немного того...

- Я знаю, - сказал Антон. - У них на физтехе все такие.

- Дина - фрик, - грустно сказал я.

- Дина не фрик, а интроверт, - поправил меня Антон.

Если Дина была несогласна с миром в чем-то глубоком и важном, то она замолкала, зрачки у нее расширялись, мочки ушей краснели, а виски начинали заметно пульсировать. И выносить это молчание было тяжелее любого скандала. Эх, непростая жизнь у интровертов!

- Да зачем тебе вообще жениться?

- В твоей сестре есть что-то очень особенное.

- Ну-ка, интересно.

- Неинтересно. Был бы ты поумнее, ты бы тоже ее любил, - неожиданно сказал Антон, явно желая завершить разговор.

Когда он успел в нее влюбиться? Я ни разу не слышал, чтобы они разговаривали друг с другом дольше трех минут на кухне. И тут мне в голову пришла светлая мысль:

- А ты с ней говорил об этом?

- Очень коротко. Вчера.

– И что она сказала?

– Что мы оба от этого выиграем.

– Это вполне в ее стиле. И в твоём. А у вас был, э-э... роман?

– У нас не было романа. В твоём смысле.

– Постой! Ты хочешь сказать, что ты делаешь девушке предложение, не то что не пожив с ней несколько лет, но и ни разу ее не трахнув?

Антон поморщился. Я подумал, что зашел слишком далеко, и попытался выкрутиться.

– Мое дело тебя предупредить. С таким характером она могла бы быть посимпатичней. Прости господи, что говорю это про родную сестру.

Когда я обсудил сложившуюся ситуацию с Матвеем, то он просто сказал: «Если ваша девушка не только симпатична, но и умна, то ебать ее не только приятно, но и интересно». Я так и не понял, сам он придумал или украл у кого-то. Так мы породнились с Антоном.

Я подумал, что Химик был единственным человеком в нашей тусовке, к которому Дина относилась с уважением, и с ужасом посмотрел на кровать, где еще час назад лежало его тело. Особенно притягивала взгляд подушка с непонятными вмятинами на ней. Не подозрительными – это была обычная мягкая подушка, без следов крови или насилия, – а просто непонятными. Где-то Химик касался ее головой предпоследний раз. Где-то – последний. И восстановить это совершенно невозможно, да и не факт, что нужно. Так и проходит время: мнутся подушки, умирают люди. Невосстановимо.

Конец второй главы

Глава третья

Без церемоний нет правосудия

Я поймал себя на мысли, что уже несколько минут не могу отвести взгляд от кровати, и тут меня позвал Писатель, который наконец оторвался от своих бумаг.

– Начнемте, господин Мезенин. Или лучше Иосиф? Как по батюшке?

– Яковлевич. Но можно просто по имени. Без церемоний.

– Просто без церемоний – это хорошо. Но мы любим церемонии. Обстоятельность, знаете ли. Это не то что, там вот, аккуратность. Или вежливость. Если в органах обходиться без церемоний и формальностей, то завтра от правосудия останутся одни воспоминания.

– А у нас от него что осталось? – максимально позитивным голосом поинтересовался я.

– Что удалось оставить, то и осталось. Не надо на нас всех собак вешать. Полиция вне политики.

– Да что вы, – испугался я собственной смелости. – Я и не вешаю. Собак. И кошек тоже.

– Что кошек?

– Не вешаю.

– Ладно. Перейдем к делу. Вопрос такой. Где, Иосиф Яковлевич, вы были вчера вечером и сегодня ночью?

– Дома. Читал, работал, думал. Смотрел телевизор. Потом спал. Пил виски. Опять думал, – неожиданно сказал я.

– Думал, – поднял указательный палец Писатель. – Думал! Это ведь, в сущности, отлично. Но кто это может подтвердить?

– Никто.

– Совсем никто? – Он как-то расстроился. – Я не про «думал». Я про то, что вы были дома. Никто не может подтвердить?

– Нет, ну почему. – Я вдруг опять почувствовал себя в опасности. Теперь я заметил, что от стресса у меня шея покрылась испариной. Я протер ее рукавом. – Мой интернет-провайдер может подтвердить. Мой сотовый оператор. У них остались логи.

Писатель аккуратно записал данные моего интернет-провайдера и поинтересовался номером контракта сотового оператора.

– Почему вы все записываете ручкой на бумаге? Почему? – спросила Лиля. Ее это вдруг очень обеспокоило. – У полиции нет диктофонов и видеокамер?

– У кого-то есть, у кого-то нет. – Писатель философски пожал плечами. – А подписывать протокол вы как будете? По телевизору?

Он тяжело вздохнул. Я удивился, до какой степени участковые менты далеки от проблемы универсальной электронной подписи, но настоящий, хоть и дурацкий, допрос отвлек меня от мыслей о несовершенстве правоохранительных органов. У нас ушло еще много времени на бессмысленные, с моей точки зрения, разговоры о том, почему я не работаю по специальности, а занимаюсь какой-то фигней, когда я последний раз видел Химику, не принимал ли он наркотики и алкоголь, из-за чего мы могли бы враждовать и самое главное – кого я подозреваю.

Я никого не подозревал. Я сказал, что не знаю людей, не принимающих алкоголь. То есть я знаю, что эти люди существуют в природе, но я, к сожалению, лично с ними не знаком.

В самой мягкой форме мне удалось отказаться говорить о наркотиках. Я поклялся, что Химик не связан с кавказскими группировками, как и с любыми

другими, хотя клясться меня никто не просил.

Потом мне пришлось по минутам расписывать Писателю мой вчерашний вечер. Я честно и осторожно помогал следствию, пока из соседней комнаты не раздался вопль Матвея:

– Блядь, я не понял, что за хуйня? Сколько мы еще будем мозги друг другу ебать?

Я замолчал и с легким ужасом дожидался полицейского ответа. Мне показалось, что после такого выступления Моти нас для начала арестуют, а потом попытаются еще и пришить дело. Зачем дразнить гусей? Ответ ментов меня приятно удивил. Они поднялись со своих мест, разрешив нам сесть рядом, и начали оправдываться.

– Если расследование не начать по свежим следам, все улики могут быть утрачены очень быстро, – сказал Писатель бесцветным голосом, цитируя не то учебник, не то устав.

– Тогда вперед! – не унимался Матвей. – Опрашивайте соседей! Катайте пальцы! Бегите за распечаткой звонков! Допрашивайте сослуживцев! Какого хуя второй час на нас терять?!

Фотограф, ничего не ответив, прошелся по комнате гусиной походкой, словно разминая застоявшиеся от долгой сидячей работы мышцы. В процессе разминки он, бегло осмотрев книжные полки, дошел до кухни и остановился перед холодильником.

– Вы позволите? – спросил он и, не дожидаясь ответа, открыл дверцу.

– Конечно, – отозвалась Лиля. – Там есть кока-кола. И сок, кажется, еще остался.

Кока-кола явно не заинтересовала Фотографа, потому что он копался в холодильнике заметно больше времени, чем нужно было бы для ее поиска.

– А это что? – спросил он таким резким голосом, что мы все вздрогнули. Он держал двумя пальцами какую-то ампулу.

Я на всякий случай пожал плечами, всем видом показывая, что не готов нести ответственность за содержимое холодильника Химика и Лили.

– А что это? – отозвался Мотя таким ленивым голосом, как будто ему было лень отвлекаться от своих мыслей на находку Фотографа.

– К-а-л-и-п-с-о-л, – медленно, по буквам прочел вслух Фотограф надпись на ампуле. – Кетамина гидрохлорид.

– Интересно, – оживился Писатель и пошел в сторону кухни. – А много там его?

– Нет. Две ампулы. По крайней мере, в холодильнике больше нет. Может, еще по квартире поискать? – Наконец-то сыщики стали похожи на сыщиков, но меня это совершенно не обрадовало.

– Шприцы есть? – деловито спросил Писатель.

– Упаковка, – твердо ответил Фотограф.

– Тогда искать по квартире бесполезно, – покачал головой Писатель. – Второй холодильник у покойного отсутствует. А без холодильника эта дрянь не живет. Что молчите, молодые люди?

Сильнодействующее наркотическое средство

Мы и правда качественно молчали, отводя взгляды от ментов в разные стороны.

– А вы что скажете, сударыня? Почему у вас дома хранится сильнодействующее наркотическое средство?

– Не знаю, – почти шепотом произнесла Лилия.

Я понял, что сейчас начнется что-то ужасное. Химика убили, Лилию сажают за хранение наркотиков, нас вербуют в качестве свидетелей обвинения под

угрозой привлечь соучастниками. У меня побежали мурашки по спине. Руки стали липкими. Я опустил взгляд в пол, почти совсем как страус, зарывающий голову в песок. Сработал какой-то древний эволюционный инстинкт: раз я ничего не вижу, значит, и меня не видно.

– У вас, кстати, есть ордер на обыск квартиры? – поинтересовался Мотя тем же ленивым безразличным голосом.

И все замолчали. Менты внимательно посмотрели друг на друга. Потом перевели взгляд на Мотю. Потом скользнули взглядом по нам. Наступила длинная пауза. Я стал готовиться к самому страшному.

– Ладно, – прервал угрожающее молчание Писатель. – Из сочувствия к вашей трагедии и в связи с тем, что наркотик найден в незначительных количествах и, очевидно, хранился для личного использования, мы его в протокол вносить не будем. Но если вы думаете, что калипсол может быть как-то связан со смертью вашего мужа, лучше нам про это рассказать.

К этому времени я, еще не веря в чудесное избавление, все же поднял голову и увидел, что Писатель внимательно смотрит на Лилю.

Лиля отрицательно помотала головой. Писатель, не ожидая другого ответа, скептически развел руками.

– Ну, как знаете, барышня, как знаете.

Затем он мрачно сказал, ни к кому не обращаясь, что все необходимые следственные действия они осуществили (он так и сказал – «осуществили») до нашего приезда, велел мне и Лиле расписаться в протоколе и сказал совершенно официальным голосом: «Спасибо за помощь следствию».

Фотограф, глядя на него, тоже засобирался.

– Мы пойдем. Наш телефон у вас есть. Вспомните что-нибудь – звоните.

Он подсунул протоколы Моте и Антону, но они, в отличие от меня, сначала их внимательно прочли и только потом подписали. В конце концов, неуверенно

потоптавшись, следователи ушли. История с наркотиками оборвалась, толком не начавшись. Менты оказались людьми. Просто людьми. Какими они, собственно, и должны быть.

Что это такое – умереть?

Я подумал, что Лилю надо бы чем-нибудь занять. Оргвопросы – лучшее средство от шока.

Связаться с родителями Химика, которые отдыхали за границей, с родителями Лили, которые пообещали вылететь из Питера первым же рейсом. Вызвать похоронного агента. Сделать первые пять исходящих звонков, которые немедленно превратятся в двадцать пять входящих.

Я проходил это сам, когда умер мой отец. Я был тогда деятельным, подчеркнуто вежливым, умным, собранным, спокойным и заботливым. Реакция наступила только после похорон. И я никому не пожелаю такой реакции...

В нашем случае входящие звонки с ужасами и соболезнованиями, часто дурацкими и неуклюжими, осложнялись довольно естественными вопросами: «А что случилось?», «А как же это так?», «А что полиция?».

В перерыве между телефонными соболезнованиями я спросил:

– Лиля! Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Лиля сказала «нет» таким голосом, каким говорят «да». Я махнул рукой. Свежие следы – это для следователей. Я еще успею обсудить с Лилей, что же все-таки произошло. Лиля явно в курсе как минимум части проблемы, но травить ее сейчас вопросами – бесчеловечно. Тем не менее еще один вопрос я все-таки задал:

– Тебе самой ничего не угрожает?

– Мне? – не поняла она.

– Да, – подтвердил я свой вопрос. – Тебе лично.

– Нет, – покачав головой, довольно уверенно сказала Лиля и испытующе посмотрела на меня, словно проверяя, не знаю ли я чего-то лишнего. Того, что мне знать, с ее точки зрения, не положено.

К шести вечера в квартиру набилось больше людей, чем могли выдержать две маленькие комнатки. Кого-то я знал, кого-то видел впервые. Ненавижу похоронные настроения. Шепот, покачивания головами. Какая-то смесь фарса и трагедии. Я ушел по-английски, убедившись, что Лилей занимаются по меньшей мере человек пятнадцать, в том числе и Мотя с Антоном.

Совершенно измочаленный, я добрался до дома и лег. Я смотрел в потолок. На потолке ничего не было. Но я постепенно въезжал.

Химик умер. Отрезанная голова. Никогда не горевшая свечка в застывших руках. Что это такое – умереть? Перестать видеть и двигаться? А тело?

Тело берет и начинает разлагаться? А сознание? Просто выключается, как в глубоком сне или наркозе, с тем чтобы никогда больше не включиться? А как же бессмертная душа? Есть она или нет? И как это проверить? Я начал думать о крионике, о заморозке тел только что умерших людей, которые надеются проснуться, когда будет придумано лечение от их болезни. О том, что, если и удастся их разбудить, прежнее сознание у них будет навсегда потеряно. Даже после недельной комы люди часто приходят в себя с искаженным сознанием и необратимыми изменениями мозга. Что же за монстры должны проснуться после многолетней заморозки?

Мне было откровенно плохо. Ноги болели, как будто я поднял тонн двадцать в спортзале. Я поднялся с кровати и допил вчерашнюю бутылку. Потом меня тошнило. Качаясь, я ходил по квартире, пытался говорить с Химиком, но это не получалось, потому что у него не было головы и он не мог мне ответить. Потом вроде мы приспособились, и он стал отвечать руками, как аквалангист или глухонемой.

Потом я лег. Мне снились гадости.

Кажется, я забыл, какой у Маши цвет глаз, а она по телефону ехидно допрашивала меня. Я лихорадочно соображал, как бы прервать разговор и спросить у кого-нибудь. Хоть у Матвея. Потом я извернулся и сказал:

- Он у тебя каждый раз новый. Разный.

- Да, - говорила Маша. - Он разный. Но он один. И ты забыл его. И ты еще будешь говорить, что любишь меня?

Ужас. Когда я проснулся, я понял, что, во-первых, совершенно не знаю Машу, а во-вторых, что я ее боюсь.

Треугольник

Я давно хочу окончательно разобраться с Машей. У Маши пепельные волосы до плеч и легкая горбинка на носу. Она работает литературным редактором в каком-то забытом богом и спонсорами научном издательстве. И занимается фотографией. Почти профессионально. Снимает не просто на пленку, а на инфракрасную пленку. Надевает на старый «Роллейфлекс» черный непрозрачный фильтр и снимает. Фотографии получаются очень странными - они вроде бы черно-белые, но с сильно измененной тональностью: небо черное, облака белые, листья на деревьях и трава тоже белые, а люди вообще как призраки, с белесоватой, почти прозрачной кожей и огромными черными зрачками. Маша говорит, что снимает в невидимом свете, потому что красота и ужас в нашем мире расположены значительно ближе друг к другу, чем это кажется нам.

Еще у Маши феноменальная интуиция. Невероятная. До встречи с Машей многие женщины убеждали меня, что у них (и вообще у женщин) интуитивное познание развито гораздо сильнее логического. Я обычно в этом сомневался, хотя понимал, что естественный отбор, да и социальное давление вполне могли способствовать развитию у женщин некоторого алогичного метода предвидения событий. Но никаких феноменальных способностей эти женщины никогда мне не демонстрировали, ограничиваясь декларациями типа: «Я так и думала» или «Ну конечно, я точно знала, что это произойдет». А Маша раз пять настолько точно предсказала развитие важных событий в моей жизни, причем совершенно

неочевидное, что я в конце концов поверил в ее дар. Однажды, когда я вел машину по трассе, а Маша сидела рядом, она вдруг спокойно сказала: «Осторожно, сейчас тебя подрежет этот идиот» – и плавно указала пальцем на идиота. Я посмотрел на серый BMW слева, который не проявлял никаких признаков идиотизма, на всякий случай снял ногу с газа и перенес на тормоз – и через секунду идиот действительно оказался идиотом, обогнал меня и ударил по тормозам: он не хотел пропустить свой поворот. Я с трудом успел затормозить и сказал все, что я думаю, называя идиота значительно более жесткими словами. Слава богу, Маша не ханжа и терпимо относится к ненормативной лексике. В другой раз она пришла ко мне на свидание в дорогой пафосный ресторан, где у меня заканчивалась встреча с потенциально крутым клиентом. Посидев за столом минуты три, не сказав ни слова и даже не улыбнувшись из вежливости уходящему клиенту, Маша спросила меня:

– Это твой клиент?

– Надеюсь, что да. Пока не знаю.

– Имей в виду, он закажет у тебя много работы, а потом не заплатит.

– Как не заплатит?

– Не знаю. Придерется к чему-нибудь. А судиться ты с ним из-за этого не сможешь. Да и не захочешь.

Я посмотрел на нее широко открытыми глазами.

– А ты знаешь его? Знаешь, кто это?

– Нет. Первый раз его вижу.

– Это же почти олигарх. Ну, немного недоделанный. Зачем ему меня кидать?

– Чтобы не платить. Лишних денег у него не бывает. А раз олигарх – значит, ты и вправду не сможешь с ним судиться. У него адвокаты хорошие, а у тебя их вообще нет.

Я после той истории с BMW отнесся к словам Маши с некоторым вниманием, но отказываться от выгодного контракта не стал, а предупредил моего друга и старшего компаньона Мотю. Мотя навел справки и твердо велел мне не иметь с этим человеком никаких дел. Никогда.

Маша еще не раз демонстрировала свои выдающиеся способности – от предсказания, что мои соседи, которые завели собаку, назовут ее каким-то дурацким именем (они назвали ее Анной Карениной), до простых прогнозов: по каким дорогам сейчас ехать не надо из-за пробок. Почти любая проверка по гугл-навигатору подтверждала ее выводы. В том случае, если выводы Маши противоречили Гуглу и я выбирал Гугл, – мы всегда попадали в пробку. Мистика! Как я мог не влюбиться в блондинку с такими способностями? Тем более что, словно в противовес этой волшебной интуиции, в качестве контрапункта Маша оказывалась иногда совершенно беспомощна в самых простых ситуациях. Типа «заключил телефон». Или «как настроить в фейсбуке, чтобы тебя не отмечали на фотографиях». Надо сказать, что озадаченная и наивная Маша была одной из моих любимых Маш.

– Ты напоминаешь мне героиню из «Хэнкока», – однажды сказал я. – Помнишь такой дурацкий фильм? Там героиня – классическая супервумен, она рукой пробивает кирпичные стены и борется с силами зла. Но при этом живет двойной жизнью, и во второй своей ипостаси она – примерная тихая жена, любящая мать и образцовая домохозяйка. За завтраком просит мужа открыть ей банку с джемом, потому что у самой сил не хватает.

Маша в ответ загадочно улыбнулась и ничего не ответила. Просто пожала плечами.

У нас с Машей отношения. Это означает, что она трахается со мной. Она даже говорит, что любит меня, но, к сожалению, в наших отношениях есть проблема – и не сказать что маленькая. Маша замужем. И категорически отказывается уходить от своего мужа вот уже второй год. Мужа зовут Герман. По-моему, это антихудожественно. Я имею в виду имя. В любом случае я страшно ревную. То есть правда страшно. Однажды, пока я еще не привык к тому, что постоянно нахожусь на грани помешательства, я полез в Гугл и посмотрел, кто что пишет умного про мужскую ревность. Начал с Википедии и постепенно добрался до каких-то уже совсем бессмысленных семейных консультаций онлайн.

Выяснил, что ревность ревности рознь. Бывает ревность, которая идет от духа соперничества. Тогда мужчин бесит, что женщина предпочитает их кому-то другому. Для них это прямой и болезненный удар по самолюбию. Мой друг Матвей ревнует именно так.

Есть ревность, заложенная на глубоком сексистском предрассудке владения женщиной как предметом. Эти мужчины ревнуют от того, что их женщиной кто-то пользуется. Их это бесит так же, как если бы кто-то бесцеремонно чистил зубы их зубной щеткой.

Но оказалось, что многие мужчины ревнуют, чтобы доказать самому себе, а заодно и предмету своей любви, что они любят «по-настоящему». Некоторые из них входят в образ и начинают наслаждаться своим страданием. Им мало обычных причин для ревности, они выдумывают дополнительные. Эти обычно не только мазохисты, но еще и параноики.

Во мне, кажется, уже не осталось духа соперничества. И дополнительный мазохизм мне не нужен. Я точно знаю, что каждый вечер Маша ложится спать со своим мужем.

Я однажды спросил ее, часто ли она с ним трахается. Ответ получил уклончивый. Спросил, а как это вообще происходит? Что вы говорите друг другу? Как раздеваетесь, как потом себя ведете? Каждый раз одно и то же или есть хоть какое-то разнообразие? Ответа, естественно, не получил никакого. А когда я пытаюсь сам представить, как все это у них выглядит, меня начинает трясти.

Иногда я хочу послать Машу к черту. Даже посылал несколько раз. Но она неуловимо возвращалась. Звонила как ни в чем не бывало. Приходила ко мне домой. Вроде для выяснения отношений. И – все по новой.

Через некоторое время я устраивал очередную разборку, требовал, чтобы Маша объяснила мне, чего она хочет. Подразумевалось, с кем она хочет жить – со мной или с ним? Но не тут-то было.

Вопрос, который для меня был почти вопросом жизни и смерти, для нее оказывался риторическим. Она живет с Германом. И дело не в том, что она так говорит. А в том, что это так и есть. И в этом, как ни крути, виноват я сам. Когда

пару лет назад наши отношения подошли к определенной известной черте, за которой наступает совместная жизнь, брак и дети, я категорически отказался переступить эту черту. Я сказал, что современные люди совершенно не должны связывать себя условностями, навязанными устаревшим общественным укладом.

Маша не стала спорить, покачала головой, посмотрела внимательно на меня, потом посмотрела в телефон, словно сверяясь с заготовленным текстом, а потом сказала, что нам неплохо бы пожить некоторое время врозь. Не встречаясь и не созваниваясь. Сказала обычным голосом, словно мы обсуждали, какой фильм пора бы посмотреть. Я, почти не раздумывая, согласился. Во-первых, отдохнуть друг от друга всегда полезно, а во-вторых, мои лучшие друзья Химик, Матвей и Антон как раз собирались поехать мужской компанией в Гоа изменять сознание, и я, в предвкушении новых приключений, поехал с ними. Когда через две недели я вернулся с совершенно неизменным сознанием, а просто немного устав от скутеров, солнца, моря, алкоголя и легких наркотиков, оказалось, что Маша выходит замуж. За какого-то историка. И вот тут-то мое сознание изменилось.

Наши отношения, разумеется, были немедленно разорваны, я почувствовал себя преданным, хотя формально придраться было не к чему, и пришел в сложное состояние бешенства и отчаяния – совершенно гремучая смесь, между прочим. Меня колотило, а потом я оказывался в полном истощении, не в силах пошевелить рукой или ногой. Я целыми днями лежал на полу в своей квартире. Слава богу, не один. Мои друзья занимались мной и спасали меня как могли, а потом, примерно через неделю после свадьбы, Маша написала мне какую-то простую эсэмэску. Я ответил. А что я мог сделать? В этот же день после работы она взяла и пришла ко мне. Как ни в чем не бывало. Погладила меня по голове. Я взял ее за руку. И у нас все началось по новой.

Однажды, когда я еще не осознавал, что наш любовный треугольник сложился надолго, я спросил Машу:

– Ты понимаешь, что ты – ненормальная? Что ты мучаешься сама и мучаешь меня? И кстати, своего мужа! Допустим, он не в курсе, но все равно, он же должен что-то чувствовать? Хотя бы своими рогами?

– А что я могу сделать?

– Измениться! Понимаешь? Не изменять мужу. А изменить себя.

– Милый, не надо! Ты знаешь. Я пыталась. Я пытаюсь. Я не могу!

– С ума сойти! Маша, тебе надо к психотерапевту!

– (очень жалобно) Ну пожалуйста...

Мы, конечно, сходили с ней к психотерапевту. Он провел с нами несколько сеансов, но поскольку он долго и подробно объяснял нам то, что мы знали и без него, мы вскоре перестали тратить на него свое время и мои деньги.

Я знаю, что Маше плохо так же, как и мне. Что ее эта история сводит с ума не меньше, чем меня. Что ситуация трагическая, в самом жутком литературном смысле слова. Если кто-то разрывается от любви, то он ведь и разорвется. Так что о happy end'е в этой истории мечтать не стоит. Может, когда-нибудь потом, к старости.

Когда я думаю о своем возрасте, я вспоминаю, что когда-то хотел реализовать способности, данные мне от Бога. Но с этим, к сожалению, все просто. Судя по поведению Бога, все, что мне было положено, я уже реализовал. Да, я хотел стать писателем, раз не получилось быть врачом. Но как-то вот не стал. По крайней мере пока.

Маша говорит, что мне не надо было бросать медицину. Что этим я как бы изменил себе. Ну, не знаю. Многие изменяют себе рано или поздно.

Я сразу после института устроился на подработку в какое-то медицинское издательство переводить американские учебники. Издательство, впрочем, скоро разорилось, но я уже почувствовал вкус легких денег, не связанных с ответственностью за жизнь больных и с ночными дежурствами. Тогда я устроился в рекламное агентство с уклоном в рекламу фармпрепаратов. Там мне платили в пять раз больше, чем в больнице, но любые дополнительные заработки запрещались. Я первую неделю удивлялся, а на вторую выяснил, что это никакое не рекламное агентство, а крыша для торговли наркотиками, украденными у онкологических больных. Пока я раздумывал, что же мне делать, в агентство пришли менты с обыском.

Из этой опасной истории меня вытащили Матвей с Антоном, хотя несколько месяцев мне рекомендовалось не высовывать нос на улицу. Я, уже не

возвращаясь в больницу, еще поскитался по разным работам, связанным с многоуровневым маркетингом, сбором рекламы в телефонные справочники и прочими ужасами, губящими душу. В конце концов Мотя помог мне открыть пиар-агентство, которое меня худо-бедно кормит, а его несильно разоряет. Да и хрен бы с ним, с агентством, – в конце концов, не для одной же работы мы рождаемся на свет. И умереть, кстати, хотелось бы не от нее.

Я с ужасом подумал, что, несмотря на трагедию с Химиком, моя obsессия в отношении Маши не уменьшилась. Наоборот. Кажется, она обостряется.

Конец третьей главы

Глава четвертая

Тяжело работать Кассандрой

Похороны Химика были на третий день. Кремация. Гроб, естественно, не открывали. Я наконец понял, почему так не люблю запах большого количества цветов в закрытом помещении. Он у меня твердо ассоциируется со смертью. А я ненавижу смерть.

Потом в каком-то банкетном зале шли поминки. Я сидел рядом с Машей. При любых других обстоятельствах я был бы счастлив только от одного этого. От непривычно близкого расстояния, которое разделяло наши тела. От возможности тихо потрогать ее под столом за коленку так, чтоб никто не видел. Да просто от того, что все видели: мы сидим вместе. У нас все о'кей. Но радоваться этому на поминках близкого друга не получалось. Антон был с Диной, а Матвей пришел со своей финдиректрисой, маленькой сексапильной блондинкой. Сейчас он сходил от нее с ума, от Ольги Юрьевны Соболевой, МА, финансового директора компании Wanderlust Cyprus Ltd, как я прочел на ее визитке, когда Мотя впервые познакомил нас якобы по делу. Оля должна была получать финансовую отчетность моего бедного агентства. Она, будучи продвинутой девушкой, отвечала ему некоторым интересом, но, будучи

порядочно-осторожной, дальше не шла. Туда, куда хотелось бы Матвею. Кажется, это абсолютно устраивало их обоих. Легкий садомазохизм. Характерный для каждой третьей внебрачной пары в любой тусовке.

Я сказал, что Химик был человеком, который знал больше нас. Все гости закивали и выпили.

Затем началась обычная дискуссия на тему, есть ли жизнь после смерти. Верующие по одну сторону, скептики и материалисты – по другую. Споры, примеры, аргументы. Одна активная дама резюмировала: «Словом, есть там что-то или нет, выяснить невозможно!»

Дина с неожиданным интересом посмотрела на нее и сказала как бы с сожалением: «Согласна. Выяснить невозможно. Но придется». И обвела всех нас своим жестким взглядом. Дискуссия, понятное дело, закончилась.

Когда первые гости начали расходиться, Маша отвела меня в сторону и спросила: «Ты имеешь какое-то отношение к этому?» Голос у нее был строгий, как у учительницы в школе, которая интересовалась, какое я имею отношение к разбитому футбольным мячом окну.

– К чему – к этому?

Я сделал вид, что не понимаю, о чем говорит Маша.

– К смерти Химика.

– Маша, ты чего?

– Я ничего. У общих друзей бывают общие враги. Я волнуюсь за тебя.

Она посмотрела на меня испытующим взглядом, который напомнил мне Лилю: будто она хотела удостовериться, что я не знаю ничего лишнего. А потом взглянула на часы. Наверное, убедиться, что не опаздывает к своему мужу.

– Не надо за меня волноваться в этом смысле. Волнуйся лучше за нас обоих, – разозлился я. – Я не имею никакого отношения к людям, отрезающим головы.

Думаю, что и Химик не имел.

– А почему его убили?

– По ошибке, – отрезал я. – А что тебе подсказывает твоя интуиция?

– Ничего хорошего, – вздохнула Маша и отошла в сторону, но тут же вернулась.

– Тяжело работать Кассандрой, – вырвалось у меня. Я тут же понял, что съязвил довольно неудачно, и даже испугался, но Маша не обратила на мои слова никакого внимания.

– Я надеюсь, что там, – она почти не выделила голосом слово «там», – ему будет хорошо.

– Не знаю, – мрачно сказал я. – Может, ему там и будет хорошо без нас. Но нам тут без него точно будет плохо.

– Береги себя, хорошо? Я пошла! – И она очень приветливо посмотрела на меня. Почти ласково.

– Ты пошла к своему мужу, а мне предлагаешь беречь себя, – начал я старую песню. – Очень заботливо с твоей стороны. Сбереги ты меня, Маша! Реши свои семейные проблемы!

– Все будет хорошо. – И, не реагируя на мой наезд, она нежно взглянула на меня и исчезла.

Нет никакого смысла жить до ста двадцати лет, находясь в одиночестве

Антон отозвал нас с Матвеем в сторону и показал ксерокопию патанатомического эпикриза. «Где добыл?» – спросили мы его.

«Не суть», – сказал Антон. С его связями он мог добыть что угодно.

В эпикризе говорилось: «Смерть от внезапной остановки сердечной деятельности. Признаков удушья не найдено. Признаков известных отравляющих веществ не найдено. Признаков физического воздействия не найдено. Признаков смерти от потери крови не найдено. Голова отрезана после смерти».

Эпикриз мне показался странным. Что за внезапная остановка сердечной деятельности, после которой пропадает голова?

– Наверно, бандиты. Делал для них какой-то наркотик. А потом они не поладили... – пожав плечами, сказал Матвей.

– Бандиты бы оставили голову, – возразил Антон. – И свечка в руках... Похоже на ритуальное убийство. Жаль, что Лиля ни о чем не хочет говорить, она ведь явно что-то знает.

– А помните, – сказал я, – на прошлом дне рождения Химик говорил про интимность и одиночество. И про то, что долго жить никакого смысла нет. Черт, мне кажется, он уже знал, что с ним случится.

– Ну, напомни, – наморщил лоб Мотя.

– Он сказал: «Нет никакого смысла жить до ста двадцати лет, находясь в одиночестве. А если смысл и есть, то удовольствия – точно нет». Я так и не понял, какое у Химика одиночество и откуда, но спрашивать об этом при Лиле мне показалось совершенно неуместным.

– Я помню какой-то дурацкий разговор, – нехотя признал Мотя. – Какое он имеет отношение к отрезанной голове нашего друга?

– Я попробую по своим каналам надавить на полицию, чтобы она не спускала это дело на тормозах, – пообещал Антон.

– Я тоже поставлю ментов на уши. По своим каналам. Но они все равно ничего не найдут. – Мотя был мрачен как никогда.

Мне сказать на это было нечего. Мы выпили еще чуть-чуть и разошлись.

Все следующие две недели я занимался решением очередных финансовых проблем в агентстве. Я работал, встречался с клиентами, убеждал их в чем-то, придумывал бизнес-планы для банка, чтобы взять ссуду, договаривался о задержке арендной платы. И почти забыл о смерти Химика. Наверно, сознание вытеснило этот кошмар в подсознание. По крайней мере, работа меня загрузила, а я не сопротивлялся.

Все, что мне было нужно, – это постоянные стабильные заказы на десять – двенадцать тысяч долларов в месяц. И тогда бы я спокойно платил и аренду офиса, и зарплату моим трем с половиной сотрудникам. Но стабильных заказов не было. Были разовые. А еще чаще потенциальный клиент выматывал нам душу, мы делали для него предложение, на подготовку которого уходила неделя, а потом он исчезал.

Управление будущим так линейно не работает

Последние дни были особенно тяжелыми. Я приходил домой сдохший. Очень редко видел Машу, что немного пугало меня: вдруг она собирается с духом, чтобы опять разорвать наши отношения? Ей ведь тоже очень не нравилась ее двойная жизнь.

Чтобы хоть немного успокоиться, я вытащил ее на свидание. Мы пошли гулять по Бульварному кольцу, и где-то между Покровкой и Чистыми прудами я посмотрел на черного лебедя, набрался смелости и самым независимым тоном, на который был способен, спросил у Маши:

– А что, кстати, подсказывает тебе твоя хваленая интуиция? Что у нас будет в жизни? Будем ли мы когда-нибудь вместе?

– Ты же не веришь в мою интуицию! – весело ответила Маша и посмотрела на меня с некоторым озорством.

– Ну, с тех пор как ты отказалась использовать ее в коммерческих целях, я, конечно, засомневался. Но пока еще вера живет.

- Знаешь, если тратить интуицию на казино, от нее скоро ничего не останется.

Я тихо радовался, что сумел задать такой важный вопрос почти незаметно, и продолжал в том же духе.

- Ты просто боишься рисковать репутацией: придешь в казино, ничего не угадаешь - стыд и позор.

- Хватит разводить меня. Я не поддамся очарованию азартных игр никогда.

- Never say never. Так что все-таки про нас? Будем мы счастливы вместе?

Маша замолчала на какое-то неприличное для легкого разговора время.

- Ты молчишь, как оракул, вопрошающий богов, - не выдержал я.

Маша поджала губки.

- Интуиция подсказывает мне, что если сказать «да» или «нет», то сказанное точно не сбудется.

- Прекрасно! Скажи «нет», и сказанное не сбудется, - предложил я.

- Э нет, управление будущим так линейно не работает. Иначе все бы тут у нас только этим и занимались.

- Хорошо! - Я был настроен оптимистично. - Из того, что ты не посылаешь меня к черту окончательно и бесповоротно, я делаю вывод, что интуиция тебе подсказывает как минимум наличие шансов на наше семейное счастье.

- Ты волен делать любые выводы, - улыбнулась Маша. - Возможно, просто нужное время еще не наступило.

- И я еще не готов? - Я начал заводиться.

– Ты не готов. Я не готова. Мы не готовы. Они не готовы. Давай не будем спрягать глаголы. Не волнуйся. Все будет хорошо! – И она вдруг сама, без всякой просьбы, поцеловала меня в щеку.

Этот разговор был единственным светлым пятном в серой беспросветной тоске последних недель.

Ни с Антоном, ни с Матвеем я не виделся вообще, мы общались только в мессенджерах и по телефону. Антон говорил, что следствие не сдвигается с мертвой точки. На девять дней я не пошел, отговорившись делами, и дал слово прийти на сорок.

Конец четвертой главы

Глава пятая

Мы не можем использовать прямую рекламу

– Я не понял, – честно сказал я. – Вы хотите, чтобы мы везде, где сможем, размещали слова «Дейр-эль-Бахри», «калипсол», «одинокчество» и вот этот набор цифр – 222461215? В прессе, на телевидении, на радио, в интернете? Как можно чаще?

– Вот именно, – ответил он. – И за это я плачу вам деньги.

Деньги были неплохие. Семь тысяч долларов месячного ретейнмента и еще по пятьсот долларов за каждое упоминание чего-либо из вышеперечисленного в любом из СМИ.

– И вы не можете объяснить, зачем вам это?

– Больше того, что я уже объяснил, – не могу.

Не объяснил он ничего.

Если бы у нас дела шли хорошо, я бы, может, и отказался от этого заказа. Не люблю всякие загадки за деньги. Тем более что от слова «Дейр-эль-Бахри» исходила какая-то невнятная угроза. Но у нас дела шли плохо. У нас дела шли хуже некуда. По моим оценкам, мы могли бы, особенно не напрягаясь, получать с этого клиента тысяч десять в месяц.

Клиент сидел, почти не двигаясь, положив перед собой на стол обе руки, как дюраселевский зайчик. Вообще-то он был довольно неприятный. Низкий, не улыбочивый. Белобрысый с залысинами, волосы у шеи выбриты не дугой, как обычно, а треугольником. Меня напряг его костюм фиолетового цвета и какая-то металлическая скованность в движениях.

Однако еще больше меня позабавила причина, по которой он обратился к нам. Оказывается, мы самое маленькое пиар-агентство из всех перечисленных в каком-то дурацком рейтинге. Наш скромный штат, который остальные клиенты считали нашим главным недостатком, абсолютно устраивал Федора Федоровича Вставкина (на визитке – только имя и какой-то кривой мобильный номер). Это, по его словам, давало ему основание надеяться на отсутствие утечек информации. Похоже, для него это было очень важно.

Вырос он в нашем офисе буквально из воздуха.

Утром раздался звонок, а через минуту ко мне подошла наша референточка:

– Звонит кто-то, ни здрасьте, ни как зовут, спрашивает: «Это PR Technologies?» – «Да». – «Можно поговорить с генеральным директором?» – «А как вас представить?» – «Федор Федорович. По важному делу».

Она соединила. Не так уж часто нам звонили. Разве что из налоговой инспекции. Он сказал мне, что хотел бы заказать у нас одну специфическую работу, и задал несколько вопросов. Сначала он спросил, сколько у нас сотрудников, а потом спросил, как зовут генерального директора, то есть меня. Решив, что он все равно увидит наш двухкомнатный офис, я не стал сильно преувеличивать и сказал «семь человек».

– И большое количество надежных субподрядчиков, – добавил я поспешно.

Он обещал быть через полчаса и обещание выполнил. Теперь ФФ уже целую вечность разъяснял мне, что больше того, что он сказал, не скажет.

– Хорошо, у меня последний вопрос. Насколько я понял, ваша задача – воздействовать на общество с помощью публикаций этих вот, – я поморщился, – слов и цифр, расположенных в независимом контексте. А зачем вам косвенные методы? Почему бы не воспользоваться прямой рекламой? Арендуйте десяток рекламных щитов и пишите на них что хотите!

– Мы не можем использовать прямую рекламу. Это привлечет ненужное внимание к нам.

– Но вы же можете разместить ее анонимно! Вот хоть через нас.

(Я тут же вспомнил, что калипсол – рецептурный препарат, поэтому его запрещено рекламировать, – и заткнулся.)

– Я повторяю...

Голос ФФ был каким-то избыточно монотонным и дребезжал, как противный маленький будильник семидесятых годов. Потому что будильники пятидесятых – шестидесятых – большие, металлические, с молоточком между двумя колбами – звонили куда приятней.

– Ну хорошо. Совсем последний вопрос. – Мне уже несколько раз заботливые сотрудники делали замечание, что у меня в беседе с клиентом бывает от трех до пяти последних вопросов. – А если журналисты что-нибудь пронюхают? Мы же не можем размещать эту хрень легко и непринужденно?! Мне самому до конца не ясно, как мы это сделаем. Под каким соусом, в каком контексте?

– Я уже вам сказал. Если журналисты что-то заподозрят, то у вас будут большие неприятности. Больше, чем вы можете себе представить. Напоминаю. Вы подписали бумагу.

Неприятности какого рода?

Это была правда. В самом начале разговора я подписал бумагу. Довольно странную. Она сначала напрягла меня, но потом я отвлекся на костюм и голос гостя. На странице, вылезшей из обычного принтера, было напечатано очень крупным шрифтом: «Я, Иосиф Мезенин, получаю доступ к конфиденциальной информации и готов нести полную ответственность за ее разглашение».

Я подписал этот странный NDA, пожав плечами. Без нее ФФ не начинал говорить вовсе, даже визитку не дал. Теперь я уже начал об этом жалеть. Мне стало казаться, что он сидит здесь не потому, что мы самое маленькое пиар-агентство, а потому что мы самое глупое.

Наверняка половина тех, кому он звонил, послала его к черту по телефону, а вторая половина сделала это при встрече, посмотрев на его фиолетовый костюм и эту странную бумагу.

– Неприятности какого рода? – оживился я.

Этого добра у меня хватало.

– Я надеюсь больше никогда не возвращаться к этому вопросу. Я также надеюсь, что вы дорожите своей личной безопасностью. Знать о заказе можете только вы. Ни один журналист, ни один знакомый. Тогда ни у нас, ни у вас не будет проблем. Я прошу обратить внимание на то, что своих сотрудников вы также не имеете права вводить в курс данного заказа. Вы должны исполнять его лично.

Я нахмурился. Я очень общителен. Я терпеть не могу секретов. Я лучше всего соображаю, когда обсуждаю что-то с кем-то. Строго по выражению «Откуда я знаю, что думаю, пока не услышу, что скажу?». Но кроме того, что я общителен, я еще и пофигист. Мне было непонятно, может ли человек в фиолетовом костюме нести какую-то угрозу. Я допускал, что да, может. Мало ли идиотов с деньгами и безумными идеями живет в нашем огромном городе. Некоторые из них определенно опасны. Особенно те, кто с деньгами.

Но тем не менее этим же вечером я сидел с Антоном в «Джоне Донне» и рассказывал ему эту историю.

Все зависит от компании

– Так денег он, значит, дал, – уточнил Антон. – Это уже неплохо.

– Ну, знаешь! Если бы он еще и денег не дал! После этих бумажек и «Дейр-эль-Бахри»! Дал пять штук как миленький. Наличными, что у нас не принято в последнее время. И даже расписку не взял. И зачем это ему – совершенно непонятно. Мистика.

Антон внимательно разглядывал три слова и число, которые я воспроизвел на салфетке.

– Или мистика. Или энэлпэшные коды. Или скрытый пиар. Или он посылает некие сообщения. Позывные.

– Голова кругом идет. Давай оставим мистику и начнем с НЛП. Я про него мало что знаю. Хотя мне по должности вроде бы надо.

– Техника, которая позволяет влиять на нервную систему людей с помощью определенных кодов. Поэтому называется «нейролингвистическое программирование».

– Это я знаю. А как выглядят коды?

– По-разному. Например, ты беседуешь с клиентом. Говоришь ему, как он хорошо выглядит. И какие у него замечательные дети, если уговорил показать их фотографии. Это называется «позитивная установка». А во время произнесения установки ты как-то особенно трогаешь его за рукав. Это называется «фиксация» или «якорь». Можно зафиксироваться чем угодно. Например, хрюкнуть. А вот когда ты ему говоришь: «А не пора ли, Иван Иванович, нам уже и контракт подписать?», ты точно так же хрюкаешь. Или трогаешь за рукав. И добиваешься необходимого результата. – Антон сделал короткую паузу, за

которую перелистал меню, а потом поднял на меня глаза. – Или не добиваешься. Все зависит от человека.

– Или от компании...

– Почему от компании? – наморщил лоб Антон. – От какой компании?

– Так... Вспомнил одну фразу. Недавно мы летали всем агентством в Петербург одного пивного клиента раскручивать. И обсуждали, что вот никто из нас никогда не пробовал трахаться в самолете. А наша референточка Люба, девушка вполне продвинутая, говорит: «Я вот пробовала». Все:

«Ну как? Расскажи!» А она говорит: «А ничего особенного. Как всегда. Все зависит от компании». Извини, я тебя отвлек. Так что НЛП?

Воздействие должно быть секретным

– НЛП подразумевает, что воздействие остается незамеченным для программируемого.

– Понятно, – сказал я. – На меня, например, эти «калипсолы» с «одинокствами» действуют плохо. Они меня раздражают. Я не люблю, когда программируют, зомбируют и привораживают.

– Ну да, – вздохнул Антон. – Поэтому воздействие должно быть секретным. А то это не воздействие будет, а рекламный ролик стирального порошка. НЛП, кстати, часто используется в рекламе. Причем хорошо, когда в примитивной форме. Тогда нормальные люди НЛП чувствуют и от него уклоняются.

– Например?

– «Ложный выбор». Ты предлагаешь человеку выбор, который неважен... «Теперь вы можете купить „Айс“ как с красной, так и зеленой крышечкой!»

– И это НЛП?

– Классическое!

Я задумался. Вроде бы я занимаюсь подобными вещами уже давно. Но мысль о том, что я с помощью рекламы или пиара зомбирую людей, мне в голову не приходила.

Антон заказал себе имбирный лимонад и продолжил:

– Высший пилотаж для энэлпэшника – программировать человека с помощью звуков. То есть ты замечал, конечно, что некоторые слова звучат как-то мрачно, а другие, наоборот, весело. Вот, например, «сарказм» звучит мрачновато. Такое сочетание звуков. А «ирония» звучит весело. Но если комбинации звуков могут управлять настроением, то при правильном подходе они могут воздействовать на людей и сильнее. Особенно на тех, кто к этому предрасположен.

Я опять задумался. Меня всегда удивляло, что у людей с одинаковыми именами существует довольно легко уловимое сходство некоторых особенностей характера.

Например, Марины – порывистые, чуть отчаянные, немного с заносом вверх. Марии – своенравные, со скрытой, но сильной внутренней духовной работой. Ольги – умны, конкретны, и у них все хорошо с силой воли. Веры – приветливы и спокойны. Наташи – романтичны, нерешительны, их обаяние идет от той неуверенности в себе, которая так нравится мужчинам. Проблема только с Александрями. Потому что их с детства зовут то Аликами, то Сашами, то Шуриками, что создает, естественно, разные характеры...

Получается, что это сходство связано с воздействием звучания имени человека на его психику в детстве. Ведь свое имя – это то, что человек слышит в детстве чаще всего. И эти звуки – самые любимые.

Я решил было поделиться этой идеей про имена с Антоном, но он залип в телевизоре.

– Смотри! Это чуть ли не первый клип в истории рок-музыки. Strawberry Fields Forever.

Я задрал голову. Телевизоры в «Джоне Донне» висели высоко. На экране битлы медленно танцевали вокруг пианино, с которого были сняты все деревянные панели. Они поливали вертикальные струны краской, обходя пианино по кругу. Песню я слышал сто раз, а вот клипа не видел.

Я заслушался партией флейты, нервной, умной и нежной, как будто слушал ее впервые.

– Это на самом деле не клип, – сказал Антон. – Клипов тогда еще не делали. Это первый в истории рок-музыки видеоклип. Точнее, киноклип. Профессиональная съемка, нанятый режиссер.

– Да, – сказал я. – Флейта у них обалденная.

– И флейта хороша. И текст действует. Классическая психоделия. Хотя НЛП битлы не учили. Но флейта не хуже и в For No One. Помнишь?

Я помнил. Когда я только вернулся из Гоа и понял, что расстался с Машей навсегда, я лежал на полу, запуская For No One по десять раз подряд.

No sign of love behind the tears cried for no one.

Хотелось плакать от безнадежности. Песня делала мою печаль заметно светлей.

Антиглобалистское

При воспоминании об этих днях у меня по коже пробежали мурашки. Я решил срочно избавиться от них.

– Химик Леннона любил, – решительно сказал я, просто чтобы перевести разговор.

- Да, Химик... - Антон тяжело вздохнул. - Мои менты так ни на кого и не вышли.

- А Мотя обещал своим ментам хвост накрутить.

- Да что менты могут сделать! Сколько у нас заказных убийств раскрывается?

Неожиданно мне пришла в голову идея.

- Антон, калипсол!

- Хм... Калипсол. Химик им кололся. Химика убивают непонятно за что и очень странным способом. Тебе приносят странный заказ. Ты видишь в этом связь.

- Именно.

- А разве Химик кололся не кетамином?

- Это одно и то же. Разные названия одного препарата.

- Рассмотрим версию скрытого пиара. Некий фармакологический концерн, который выпускает калипсол, хочет увеличить продажи наркотиков среди подрастающего поколения. С них станется.

- Антон, не может быть! Крупная западная компания делает скрытый пиар наркотиков?

- Фармакологические корпорации - абсолютные монстры. Просто стараются это не афишировать без особенной нужды. Хуже них только табачные. Эти вообще полубандиты. Кстати, монстры из фармы сейчас находятся в тяжелой затяжной войне с табачными монстрами, как ты знаешь.

- Не знаю. Что за война?

- Война с курением. Ее начали как раз фармкомпании и их лобби. Все, что ты видишь по запрету курения, дискриминации курильщиков и все такое, - это результат сложной и дорогой лоббистской деятельности фармкомпаний.

Деятельности, согласованной между основными конкурентами, разумеется.

– А зачем фармкомпаниям бороться с курением? Они же на больных раком больше заработают.

– В разы меньше, чем они зарабатывают на антеникотинных таблетках, пластырях, жвачке и всякой такой ерунде. Которая к тому же толком не работает, поэтому бедные курильщики могут потреблять ее неограниченно долго. Представь себе, что на антеникотинных примочках они зарабатывают больше, чем на обычных анальгетиках. Они открыли настоящий Клондайк на борьбе с курением.

– Ну, это, может, не так и плохо для общества. Курить все-таки вредно. Не поспоришь.

– Какое общество? – Мне показалось, что Антона переполняет возмущение. – Кого оно интересует? В дыме и смолах, разумеется, ничего хорошего нет, хотя сам по себе никотин в разумных дозах ни разу не яд. Но согласись как врач, что избыточный вес и ожирение на порядок опасней курения. От курения ты получишь в худшем случае эмфизему легких и рак, а от ожирения – целый страшный букет: диабет, гипертоническая болезнь, атеросклероз, потерю иммунитета, гормональный дисбаланс, да что угодно, вплоть до импотенции, депрессии и мучительных артрозов.

– Пожалуй, – согласился я, – ожирение поопасней. Я могу вообразить старого курильщика, но толстого старика вообразить не могу. Люди с ожирением очень редко доживают до старости. И главное, ожирению подвержено гораздо больше людей.

– Правильно. Но никто не запрещает рекламу высококалорийной еды. Никто не дискриминирует толстых: не сажают их за отдельный столик в ресторане. Никто не берет с них больше налогов, как происходит с акцизным сбором за табак и алкоголь. Наоборот: общество с готовностью платит за их обжорство и их последующее лечение от его последствий. А знаешь почему?

– Потому что это выгодно производителям еды?

– Конечно. Еды, сладкой газировки, фастфудовских ресторанов, супермаркетов, да мало ли кому еще выгодно обжорство? Общество считает, что яд – это никотин. Хотя реальная угроза в курении идет от дыма и от смол, а не от никотина. Между тем как сахар – настоящий яд в тех дозах, в которых его принято употреблять в обществе. Два кусочка сахара в день в двух чашках кофе – это не опасно. Но кто этим ограничивается? А знаешь почему?

– Потому что сахар как наркотик, но без изменения сознания?

– Потому что сахар нам кажется вкусным. Это генетическая история, которая тянется еще со времен палеолита, когда калории были в глубоком дефиците. И сейчас приготовить вкусную еду без сахара – искусство. А с сахаром – вкусно все что угодно. Хоть газировка с сиропом. Сахар даже в гамбургеры добавляют для вкуса. И в чипсы.

– Ты уверен?

– Абсолютно. И хотя многим знакома фраза «сахар – белый яд», никто в нее не верит. Все же вокруг едят пирожные и конфеты – они что, травятся? А чтобы отвлечь общество от простой и детской мысли о реальной смертельной опасности сахара в частности и переедания в целом, о сокращении жизни из-за ожирения как минимум на пятнадцать – двадцать лет, обществу навязывается дискуссия о вреде ГМО и о пользе фермерской картошки с маслом.

– А как пищевики выигрывают от борьбы с ГМО?

– С ГМО борются не пищевики, а производители удобрений и пестицидов. Это тоже огромные рынки, в десятки миллиардов долларов, но мы их не замечаем, потому что они почти не представлены в СМИ. Вот для этих химических концернов сельхозпродукты, не требующие ни удобрений, ни пестицидов, представляют страшную опасность. И они устраивают демонизацию генетических изменений, хотя эти изменения точечные и гарантированно безопасные, а пестициды, гербициды и инсектициды я бы безопасными не назвал. Да даже в натуральном навозе регулярно заводятся патогенные штаммы всяких там кишечных палочек. Так что легенда про безопасность фермерских продуктов немного красивее действительности.

Я понял, что пора заканчивать эту проповедь.

Зачем им убивать Химика?

– Антон! Я уважаю твой антиглобализм, но зачем международному фармакологическому концерну убивать Химика?

– Вопрос в том, не выпускают ли калипсол те люди, которые называли Химика экспертом и взяли его на работу. MNJ Pharmaceuticals. А дальше они могли повздорить. Ну мало ли что.

– Кто выпускает калипсол, можно легко проверить, – пожал я плечами.

– Проверь. У тебя же остались медицинские связи. Ты, кстати, не знаешь, как этот калипсол действует?

– Как действует? Хм. Это препарат для наркоза на коротких операциях типа аборта. Или вправления вывиха. Или удаления зуба. При дозах раз в пять меньше наркотической он дает вместо глубокого сна пограничное состояние. Оцепенение со странными галлюцинациями.

– Значит, калипсол – галлюциноген. Как LSD?

– Не как LSD. Совсем по-другому. LSD открывает тебе новые свойства этого мира. А калипсол переводит в другой мир.

– Интересно...

– Техника погружения такая. Обеспечиваешь тишину в квартире. Потом гасишь весь свет в комнате. Оставляешь одну маленькую лампочку. Потом запускаешь классическую музыку. Лучше всего орган. Потом делаешь себе укол и ложишься в постель.

– Колоться обязательно? – неодобрительно спросил Антон.

– Обязательно. Можно под кожу, можно в бедро, по-солдатски.

– По-солдатски?

– По-солдатски. Если солдата ранят или если газовая атака, он должен сам себе прямо через штаны ввести в бедро обезболивающее или антидот. Атропин какой-нибудь.

– Мой друг, мне страшно подумать. – Антон попытался заглянуть мне в глаза. – Ты что, его пробовал?

– Да, – очень простым голосом сказал я, выдержав взгляд Антона. – Мне Химик давал. Я пробовал раза три-четыре. Давно. Это не опасно. К нему нет привыкания. Передозировка невозможна: доза для трипа – всего одна пятая от дозы для наркоза.

– Как ощущения?

В хорошо обустроенных катакомбах

– Понимаешь – странно. Кайфа никакого. Ни эйфории, ни улучшения настроения. Сначала тебе кажется, что ты умер. Но это не страшно. Или не очень страшно. Затем ты поднимаешься сначала над домом, потом над городом, потом над Землей. И видишь Землю совершенно с космической высоты, но при этом очень ясно и почему-то в коричнево-оранжевом свете. Как будто она освещена фонарями, вроде ночного проспекта. Потом вдруг по своей воле ты оказываешься под землей. В хорошо обустроенных катакомбах. Вокруг тебя начинаются загадочные церемонии, какие-то массовые обряды. Долгое, сложное, навороченное действие, в котором ты чуть ли не именинник. В результате ты понимаешь, что попал в другой мир, точнее, в другую часть этого мира. Понимаешь, что с существами, населяющими этот мир, можно общаться. Но по-другому. Не как мы с тобой. А то ли мыслями, то ли еле заметными движениями глаз и бровей, то ли музыкальными интонациями, которые передаются через странную жидкость. При этом сама музыка, та, которую ты поставил перед трипом, приобретает форму длинных коричневых кирпичных гrotов, образующих уходящие вдаль галереи.

Я вдруг заметил, что Антон слушает меня с каким-то подозрительным вниманием и не перебивает.

- Представляешь себе? Музыка приобретает плотность и форму.

- Музыка становится трехмерной?

- Да-да. Она выглядит как темные, уходящие вдаль арки. Разной высоты и ширины. И есть еще одна очень интересная штука. Тебе кажется, что если кто-то одновременно с тобой уколется, то ты сможешь наладить с ним сеанс связи. Это очень заводит. Потому что когда трип кончается, то ты обычно все помнишь и можешь поговорить с этим вторым человеком, вспоминая, как вы там общались. Иногда кажется, что даже можно поставить эксперимент. Загадать число. Попытаться в трипе его передать тому, кто укололся одновременно с тобой на другом конце города. Или света. А потом, после трипа, проверить. Но самое главное - ты выходишь после калипсоло с мыслью: смерти нет, а есть другой мир. Параллельный.

Может, это все мистика?

Антон сидел, глубоко задумавшись. Я посмотрел на него и продолжил рассуждать:

- Значит, если концерн Химика тайно рекламировал калипсол, то дело оказывается удивительно простым. Химик про это догадался, Химика убивают. Отрезают голову, чтобы напустить дыма. Замаскироваться. Или напугать Лилю. Красиво?

- Так себе, - честно сказал Антон, встрепенувшись. - Ты же сам сказал про аналоги, которые выпускают другие концерны. И пока мы не знаем, выпускает MNJ Pharmaceuticals калипсол или нет. Поэтому сейчас обсуждать эту версию рано. Кроме того, даже если это они, то при чем здесь Дейр-эль-Бахри? А одиночество?

– Стой! Одиночество! Помнишь? Я же недавно вам напоминал наш разговор с Химиком на дне рождения Моти. Он тогда четко сказал: «Нет никакого смысла жить до ста двадцати лет, находясь в одиночестве. А если смысл и есть, то удовольствия – точно нет».

Антон пожал плечами:

– Может быть, просто совпадение. Мало ли людей страдают от одиночества? Хотя что-то в этом есть. А что за число тебе дали рекламировать?

– 222461215.

Я протянул Антону салфетку с моими записями, и он принялся что-то на ней рисовать.

– Хорошо, – не унимался я, – а если верна твоя версия про тайное послание... Хотя кому? Всем подряд? Они хотят, чтобы это было везде.

– Тому, кто способен это послание расшифровать.

– Но это явно не мы. Слушай, а может, это все мистика?

– Не исключено. Например, заказ тебе сделал какой-нибудь богатый сумасшедший. С бредовыми идеями. Но тогда я не вижу связи со смертью Химика. Я боюсь, что за сегодняшний вечер мы не решим эту головоломку. Слишком мало вводных данных. И мне пора. Дина ждет.

Голос его потеплел, что, вообще говоря, антоновскому голосу было несвойственно.

Вот бы и меня кто-то ждал дома. Я усилием воли вернулся к разговору.

– Насчет связи – суди сам. Загадочный заказ. Загадочная смерть. Между ними два звена: калипсол и одиночество. Я завтра выясню, кто выпускает этот наркотик, и поищу в интернете что-нибудь про Дейр-эль-Бахри.

– Отличная идея, – согласился Антон. – Ищи про Дейр-эль-Бахри. А я подумаю над числом. Не зря же меня на мехмате пять лет учили. Созвонимся!

Съежился от одиночества и ушел домой

И он, расписавшись на слипе за нас обоих, за свой лимонад и мой виски (у нас в тусовке практиковалась социальная справедливость, и платил всегда тот, у кого денег было в данный момент больше), поехал домой.

Я остался слушать музыку и допивать виски. Ник Кейв на два голоса с Пи Джей Харви пели своего странного Henry Lee. Я вслушался в текст и немного задрожал. Дело в том, что я с детства пытаюсь разбирать слова рок-музыки, хотя мне давно понятно, что в отделении слов от музыки нет никакого смысла, они плохо живут в отрыве друг от друга. Рок – это больше чем сумма музыки и слов. И все-таки.

Lie there, lie there, little Henry Lee

Till the flesh drops from your bones.

Я представил себе мясо, опадающее с костей. Бр-р... А у меня нет девушки в merry green land, которая будет ждать меня после моей смерти.

Я съежился от одиночества и ушел домой.

Конец пятой главы

Глава шестая

Рабочая крыса и королевские пингвины

На следующее утро мне позвонил Антон и сказал, что не продвинулся с числом, но чтобы я в любом случае занялся заказом ФФ. И еще он сообщил, что сегодня же уезжает на какое-то время в Штаты. Я поинтересовался, куда именно. Оказалось, что в Редмонд.

- А что срочного в Редмонде? - максимально заинтересованно, чтоб не обидеть Антона, спросил я, очень плохо представляя себе географию США.

- В Редмонде, - ответил он, - Microsoft. Штаб-квартира. Они очень просят им помочь в одном деле.

- И это дело такое важное и такое срочное?

- Вроде да. Оно еще и довольно секретное.

- Ну поздравляю, - сказал я. - Значит, ты и вправду крут, раз из Москвы решить его не можешь.

И пожелал ему счастливого полета.

Жизнь продолжалась. Неожиданно стало больше денег. Я заплатил долларами ФФ за аренду офиса и приступил к выполнению заказа. К вечеру первого дня я понял, что один с этим не справлюсь. Было много работы с журналистами, которая осложнялась странностью поставленной задачи. Тогда я во второй раз нарушил слово, данное ФФ, и позвал к себе в кабинет моего заместителя. Я понимал, что рискую. Одно дело - рассказать о секретном проекте близкому другу, а другое дело - сотруднику. Но выхода не было: я прикинул список необходимых действий и понял то, что следовало бы понять еще при разговоре с ФФ, - в одиночку с этим заказом справиться невозможно. Я вздохнул и спросил себя, хватит ли у меня отороженности отказаться от него. Походил по комнате. Постоял у окна. Выяснил, что отороженности не хватит: деньги были очень нужны. Причем не столько мне, сколько самому агентству. Без этого заказа мы бы оказались на грани разорения буквально в этом месяце. Эта мысль окончательно укрепила меня в решении забить на риск и обратиться к Крысе.

Ей было где-то сорок с небольшим. Из-за редкой фамилии – Курас – у сотрудников не оставалось выбора. Я был уверен, что она знает про свое прозвище. Маленькие глазки, маленькое туловище, острый нос, острый ум, железный характер, упрямство и стервозность – ну кто, если не Крыса? Иногда я подумывал, что ей бы очень пошел тонкий длинный серый хвост.

На своем месте Крыса была великолепна. Мы с ней образовали тандем: я создавал проблемы для агентства, а она их решала.

Однажды, например, мы ломали голову над заказом сложным и дурацким одновременно. Маленький банк – Банк Новослободский – решил открыть в Москве второе отделение. Филиал. Нам предложили пригласить журналистов на фуршет и заставить их осветить это революционное событие в банковской жизни России. Журналистам до банка никакого дела, конечно, не было. Платить журналистам приличных изданий деньги, чтобы они написали про это, было невозможно: они не пачкали рук мелкими заказами.

Поэтому я придумал такой ход: на открытие нового отделения в банк приводят пингвина. Живого, настоящего королевского пингвина из Московского зоопарка. Например, под предлогом, что Банк Новослободский взял над ним шефство. У журналистов появляется редкая возможность выпить с пингином, сфотографировать его в кресле президента банка и вообще оттянуться по полной. В благодарность за это мы бы получили от них некоторое количество бесплатных публикаций с соответствующими фотками. Вообще, звать журналистов не на скучный ивент, а на интересную фотосессию был фирменный рецепт нашего агентства.

Идею ивента я нашел, с этим у меня никогда проблем не было, а вот продавать идею банку и договариваться с пингином, точнее с его представителями в лице администрации зоопарка, пришлось Крысе. Но она с честью выполнила свой долг. Пингвин, хоть и королевский, оказался мне по пояс и выглядел как странная птица, каковой на самом деле и являлся. Он ходил на поводке, шлепал лапами, пах рыбой, издавал гортанные звуки и всех развлекал.

Журналисты не подвели. Банк заплатил.

В высшей степени конфиденциально

Я кратко ввел Крысу в курс дела, не упомянув ни о Химике, ни о нашем разговоре с Антоном. Сказал, что богатый сумасшедший хочет развлечься, размещая слова «калипсол», «Дейр-эль-Бахри» и «одинокчество», а также число 222461215. Размещать все это он хочет в прессе, на ТВ, на радио и в интернете, причем в высшей степени конфиденциально, так, чтобы журналисты не догадались. Платит много и наличными. Вопросов не любит. Требуется полного неразглашения, нераспространения и полной непролиферации, не знаю точно, что это такое. Обещает страшные кары в случае чего. При упоминании наличных глубоко посаженные глазки Крысы блеснули.

Мы быстро разработали план действий. Для каждого из тридцати основных изданий мы напишем своими силами интересные материалы. Статьи, обзоры, очерки, интервью. Журналистам один черт надо о чем-то писать. Светские журналисты – люди в принципе хорошие. Но, слава богу, ленивые, циничные и по сути своей нелюбопытные, если не сказать глупые.

Через три дня у нас уже было около двадцати упоминаний всего этого бреда, причем одно даже на телевидении.

Самооценка ползет вверх

Затем Крыса ввела усовершенствование в нашу работу. Она нашла десять случаев использования слова «одинокчество», не имеющих к нам никакого отношения, и без стеснения приписала появление этого слова нам. Это маленькое открытие принесло нашей фирме дополнительно пять тысяч долларов.

Дейр-эль-Бахри, которое оказалось довольно известным туристическим местом в Египте, употреблять было сравнительно легко, а вот калипсол всовывать в прессу приходилось с трудом, в основном в статьях про аборты и наркоманов. С числом были проблемы. Но мы с честью выкрутились из них. То упоминали папку – дело с порядковым номером 222461215, то указывали странный десятизначный телефон, то как IP-номер. Несколько раз мы отыскивали события, произошедшие

22 февраля 46 года в 12:15. Обычно они относились к началу холодной войны, в частности, именно 22 февраля 1946 года американский дипломат Джордж Кеннан отправил из Москвы в Белый дом так называемую «длинную телеграмму» (восемь тысяч слов). Именно эту телеграмму, анализирующую предвыборную речь Сталина, а не Фултонскую речь Черчилля, многие исследователи считают официальным началом холодной войны.

ФФ не подвел и аккуратно заплатил во второй раз. Просмотрел ксероксы, распечатки мониторинга и отсчитал еще одиннадцать тысяч. Я наконец стал чувствовать себя богатым. После полной расплаты с кредиторами у меня на руках оставалось шесть тысяч. Я в жизни столько не зарабатывал. Крыса, от которой я впервые совершенно искренне был в восторге, получила от меня неслыханную премию в три тысячи долларов.

Еще через пару дней произошло совершенно выдающееся событие, благодаря которому моя самооценка из положения «ниже среднего, но как у многих» впервые за много лет начала ползти вверх. Дело было так. Я в очередной раз пытался засунуть IP-номер 222.46.12.15 в очередной блог. И вдруг мне в голову пришла идея: а почему бы не сделать этот номер неким индустриальным стандартом? Зашивают же все производители модемов, например, IP-адрес 192.168.0.1 в качестве дефолтного. Давайте добавим наш номер в качестве второго дефолта! А то еще и MAC-адреса такие сделаем. И еще какие-то адреса. DNS? Я в этом мало что понимаю. Разумеется, для этого нужна большая работа с производителями всякого железа, и мы ее не потянем ни в каком варианте, но почему бы не поделиться идеей с заказчиком? Я набрал номер ФФ и поделился, честно предупредив, что исполнить эту идею нам не под силу. ФФ внимательно меня выслушал, ничего не сказал, кроме: «Хм, интересно», а через два часа у нас в офисе появился курьер с твердым на ощупь свертком, по форме напоминающим пачку денег. Появился и тут же исчез, не взяв ни расписки, ни квитанции. Я вскрыл сверток. Двадцать тысяч долларов в вакуумной банковской упаковке и лист А4, на котором было напечатано три слова: «бонус за идею». Маленькие глазки Крысы, которая присутствовала при вскрытии пачки, вылезли из орбит. Она почти минуту читала бумажку с этими тремя словами, а потом сказала, что я, вероятно, могу забрать эти деньги себе, как свой личный бонус, потому что идея от начала до конца – моя. Я укоризненно взглянул на нее и попросил отнести деньги в кассу. Но поскольку лицо у меня просто светилось от счастья, то она посмотрела на меня как на конченого идиота, который радуется не деньгам, а доброму слову от сомнительного клиента. А потом, сказав: «Ну-ну, поздравляю», с недовольным видом понесла-таки деньги в кассу, то есть в маленький старенький сейф, стоящий в бухгалтерии. Я почему-то не сразу

сообразил, что она предпочла бы, чтобы я взял эти деньги себе, не забыв поделиться с ней, разумеется.

Прелюдия к поиску

Настроение у меня стало заметно лучше. И я продолжал неторопливый поиск, а именно методично набирал слово «Дейр-эль-Бахри» во всех известных мне поисковых системах и сначала ходил по прямым ссылкам, а потом по ссылкам ссылок, делал уточняющие запросы и снова шел по ссылкам – словом, погрузился в проблему. Это отнимало много времени, но я свалил всю писательскую работу на Крысу.

Подавляющее большинство ссылок вело в Египет. Когда я попытался систематизировать свой труд и привести в порядок все выписки, которые я сделал, я понял, что их следует разбить хронологически на три части: пирамидиотизм (наше время, XX–XXI века н. э.); коптский монастырь в Дейр-эль-Бахри (именно в честь него и названо место, означающее по-арабски «Северный монастырь», IV–VIII века н. э.); и женщина-фараон Хатшепсут, так как в Дейр-эль-Бахри находится храм первой в мировой истории великой женщины-фараона (XV век до н. э.).

ФФ – пирамидиот?

Самой веселой темой был, конечно, пирамидиотизм. Авторы-пирамидиотов было много, пирамидиотских публикаций еще больше, а восхищенные читатели с их каменными счетами не поддавались.

Как только мне попадались слова «феноменальная точность подгонки и ориентации...», «непревзойденные и по сей день технологии...», «золотое сечение и число ?...», «тайное предназначение пирамид», «официальная наука презрительно игнорирует», «атлантическая гипотеза происхождения египетской цивилизации», я немедленно сохранял эту страницу в специальной папке в браузере.

А все потому, что мне пришла в голову идея, настолько крутая, что я не поленился обсудить ее с Мотей. С Мотей, потому что Антон был далеко и в других часовых поясах, а Моте я, конечно, тоже сразу рассказал о заказе, нарушив подписку, тем более что ему, как акционеру PRT, вообще полагалось знать все.

– Мотя, – сказал я самым серьезным голосом, набрав его по мобильному, – а что, если ФФ – пирамидиот?

– Какой идиот? – не понял Мотя. – Почему идиот? Если человек размещает в нашем с тобой агентстве заказ, он сразу зачисляется в идиоты? Ну, с таким подходом...

– При чем тут подход? Заказ очень странный. Дейр-эль-Бахри – место в Египте. Там древнеегипетский храм какой-то важный. Вот я и думаю, может, ФФ чокнулся на пирамидах? Ну, знаешь, вот это все: тайные знания древних цивилизаций, сумерки богов, следы ДНК пришельцев в нашей ДНК, Атлантида – Лемурия – Пандора, цивилизация X, Запрещенная История, утраченные технологии Древнего Египта.

– Может, и так. Почему нет? Может, у него такое хобби? Имеет право развлечься человек за свои деньги или нет? – В Мотином голосе прозвучало понимание и уважение к ФФ. – А что ты имеешь против этого? Может, он с нашей помощью хочет выйти на связь с инопланетянами? Или поискать у кого-то ДНК пришельцев. Не надо мешать человеку. Дейр-эль-Бахри – значит, Дейр-эль-Бахри... Пирамиды – значит, пирамиды. Работай, главное. Думай о customer satisfaction. И о нас не забывай! Надоело в тебя инвестировать. Тем более что твоя личная ДНК, как я понимаю, его не интересует.

– Мотя, во-первых, с деньгами у нас стало полегче. Во-вторых, я тебе зачем звоню? Для улучшения customer satisfaction. Если ФФ – пирамидиот, то мне надо вести себя с этим заказом поосторожнее. Потому что пирамидиоты очень ранимы. И в любом случае разобраться, что это за Дейр-эль-Бахри чертово. Почему калипсол? Что значит «одиночество»? И что за число 222461215? Какие, на хрен, коды мы размещаем?

– А мне вот плевать, какие, на хрен, коды вы размещаете. Раз клиент просил о конфиденциальности, я бы на твоём месте вел себя сдержанно и не совал бы

свой нос куда ни попадя.

- А если это плохие коды?

- Да хоть коды вызова дьявола. Тем более что я в него не верю. В Бога верю, а в дьявола - нет.

- Если есть Бог, может быть и дьявол, - меланхолично заметил я, решив, что Мотя мне в советчики не годится, и готовясь свернуть разговор.

- Ну, если так рассуждать, то можно начать верить и в архангелов, и в херувимов. А оттуда уже недалеко до эльфов и троллей. Я верю в Бога, - твердо постулировал Мотя, - а во всякую нечисть на небе - не верю. Ее столько на земле водится, - чуть понизив голос, доверительно сказал он, - что, поверь, на небе она на хрен не нужна.

- Хорошо, Мотя, - сказал я, заканчивая средневековую дискуссию. - Ты меня успокоил. Пойду поработаю над размещением кодов вызова несуществующего дьявола. Будь здоров!

- Бог в помощь! На связи.

Конец шестой главы

Глава седьмая

Дураки или альтернативщики?

Я сел посмотреть, что у нас делается с размещением. Оказалось, что все идет отлично. Моя менеджерская помощь Крысе не требовалась. Версия, что ФФ - пирамидиот, казалась мне все более и более правдоподобной, поэтому я сел за

пирамидиотские тексты.

Вначале у меня были двойственные чувства к этим немного наивным, в чем-то даже трогательным, статьям и книгам, обвиняющим классическую науку в снобизме, игнорировании фактов, косности и лицемерии. С их точки зрения, наука пытается тщательно скрыть тот факт, что древние цивилизации были невероятно продвинутыми и обладали глубокими познаниями в разных областях, полученными то ли от инопланетян, то ли от жителей Атлантиды, то ли от них вместе.

С одной стороны, тексты альтернативщиков казались слишком уж пропагандистскими. Они были почти напрочь лишены взвешенности и осторожности в предположениях. И в них остро не хватало ссылок на академические работы: все пирамидиоты (сами они называли себя альтернативщиками, а иногда и диссидентами) ссылались только друг на друга. В этом пестром сообществе не было ни одного профессионального египтолога-раскольника, порвавшего с темной научной мафией и перешедшего на сторону светлых сил альтернативных знаний.

Но постепенно я и сам начал проникаться этим бунтарским духом. С другой стороны, думал я, чем черт не шутит. Разве наивный и совершенно непрофессиональный Шлиман не открыл Трою, просто веря в «Илиаду», как в исторический документ? Кроме того, не так важно, владели ли древние египтяне всякими невероятными технологиями и знаниями на самом деле, – я-то занимаюсь этим ради того, кто в это верит.

Я выписал основные тезисы альтернативщиков, которые мне (и им) казались самыми сильными. Начал я с числа 7. Во многих статьях утверждалось, что египтяне знали его с точностью до двенадцатого знака. Это был мощный стейтмент.

Второй стейтмент тоже показался мне сильным: альтернативщики приводили сложные инженерные расчеты, указывающие на то, что без специальных знаний египтяне никак не могли поднимать и перемещать семидесятитонные блоки. Да и сегодня подъемные краны, которые способны поднимать такой вес, производятся редко и по специальному заказу. Обычный строительный подъемный кран может поднять груз весом до двадцати – двадцати пяти тонн.

Третий наезд звучал так: блоки подогнаны так плотно друг к другу, что между ними нельзя просунуть кредитную карточку. Каким образом с помощью медных инструментов можно было добиться такой точности шлифовки многотонных строительных блоков, причем с шести сторон? С точки зрения авторов статей, египтолог-профессионал, услышав этот вопрос, должен был стыдливо закрыть лицо руками, расплакаться и убежать. Этот наезд подкреплялся фотографиями. И сопровождался уточняющим замечанием, безусловно корректным: пирамиды строились только во время первых династий фараонов, в так называемом Древнем царстве, а потом египтяне по тем или иным причинам строить их перестали. Не потому ли, что технологии строительства со временем были утрачены?

Четвертый гвоздь в гроб классической египтологии был забит предназначением пирамид. Поскольку ни в одной пирамиде не нашли ни одной мумии, утверждали альтернативщики, пирамиды – вовсе не погребальные храмы фараонов, как врет всем нам официальная мафия ученых-египтологов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/revazov_arsen/odinochestvo-12

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)